

БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

НОРА ФЛАЙТ

серия
НАСЛАЖДЕНИЯ
книга #2

Н НЕСПЕШНЫЕ НАСЛАЖДЕНИЯ

Он знал, что был зависим. Дрезден Я думал, курение станет тем, что убьёт меня. Лола вызывает более сильную зависимость, чем потребность в табаке. Ощувив её тёплое тело, прикосновение её кожи... даже если это вышло случайно, я сдался. Монстр внутри меня собирается уничтожить её. Я слишком устал, чтобы бороться с ним. И, если честно, я не хочу. Она знала, что рискует всем Лола Почему он пытается испортить мой ЕДИНСТВЕННЫЙ шанс на успех? Мою чёртову жизнь? Я не могу справиться с этим притяжением между нами... притяжение, которое желает связать наши тела вместе и связать меня с ним в одно целое. Погубить меня. Я думала, Дрезден заботится о своей группе, что он не посмеет сделать ничего, что разорвёт их — и меня — на куски. Когда я стала той, из-за которой он может потерять всё?

Оригинальное название: *Slow Body Rock*

Книга: *Неспешные наслаждения*

Автор: *Нора Флайт*

Серия: *Наслаждения #2*

Количество глав: *6 глав + пролог*

Переводчик: *Анна Томис, Алёна Бефус*

Редактор: *Анастасия Фисенко*

Обложка: *Анастасия Фисенко*

Пролог

Лола

Я не помню, как уснула.

Я, твою мать, помню, как проснулась.

Хриплые голоса, приглушённые звуки — всё даёт понять, что они стараются, чтобы звук оставался приглушённым. С трудом открываю глаза, сразу же пожалев о своём решении.

— Блядь, — прошипела я, переворачиваясь на бок. Кто-то молотил по моему черепу всю ночь напролёт?

Аккуратно прощупывая свою шею, я падаю лицом на потное одеяло. *Нет, не молотили. Меня пустили по кругу те мудаки охранники.* Прорываться сквозь медленно рассеивающийся туман в моей голове очень мучительно. Алкоголь и насмешки говнюков — уже ничего хорошего, но было что-то ещё, что захватило мой мозг.

Даже как только я просыпаюсь, он уже преследует меня. Поморщившись, я сильнее вдавливаю лицо в подушку. *Теперь я постоянно буду иметь с этим дело? Мгновенно после пробуждения вспоминать его глаза, его улыбку?*

Мне не будет покоя от Дрездена Гелифакса?

Кто-то кричал. Сорвав простыню с глаз, я осмелилась оглядеть свою крошечную кровать. Свет с трудом пробивался сквозь тонированное окно в стене надо мной. *Скорее всего, ещё рано, мы ещё не начали двигаться.* Я рада этому. Особенно, после того, как я сажусь и всё в моём животе начинает кружиться.

Застонав, я хватаюсь за свой лоб. Моя голова такая же тяжёлая, как шар для боулинга. Свесив её меж своих коленей, я чувствую грубые повязки на своих локтях, когда они касаются оголённых бёдер. Это напоминает мне о пальцах Дрездена, мозолистых и твёрдых. Как они удерживали меня всё то время, пока он наносил на мои мелкие порезы жгучий препарат.

Вытянув руку, я касаюсь одной из повязок. Он был таким нежным, таким настойчивым, когда лечил меня. Я сильно краснею, мой взгляд метнулся к занавеске над моим проёмом. Я узнаю один из разгневанных голосов снаружи, это Дрезден собственной персоной.

От его хриплого тона у меня по всей коже пошли мурашки. Требовательный — это более подходяще, чем нежный. Когда он был на мне в ванной, то... Я трясую головой, чтобы прочистить свои мозги. Не думай об этом сейчас.

А, может, и вообще никогда.

Если бы я могла как-то это изменить.

Кто может стереть такой момент? Его мощный аромат у меня в носу, его твёрдая грудь и слабая улыбка превращали всё внутри меня в сахарную вату. *НЕТ!* Уф, прекрати это, Лола. Просто остановись. Поморщившись от своей слабости, я наполняю грудь воздухом. Мне стоит огромных усилий подняться на ноги, чтобы меня не стошнило.

Слабая, как старушка, я накидываю узкую синюю рубашку и вчерашние джинсы. Я не взяла собой много вещей в тур, но я и не ожидала, что придётся беспокоиться по поводу этого. В качестве потного чернорабочего, расставляющего оборудование для группы своего брата, моя одежда не имела никакого значения.

Как гитарист известной Four and a Half Headstones, что ж... Возможно, я смогу заставить Бренду сводить меня куда-нибудь. Даже шутить не стоит о том, чтобы позаимствовать у неё что-нибудь; менеджер носила такие вещи, которые я даже никогда не думала бы примерить. А ещё эти её каблуки — просто убийцы.

Отодвинув занавеску в сторону, я напрягаюсь, чтобы расслышать продолжающийся спор. Из моего угла сложно увидеть многое. Чёткий и внятный голос Бренды звучит как сирена. — ... это самый простой выход! — воскликнула она, и похоже на то, что она притопнула на месте. — Прошлой ночью ничего бы не произошло, если бы они знали, кем она была, позвольте мне показать всем её лицо!

— Проблема в том, — рычит Дрезден, — что ты наняла мудаков, которые не знают своё дело. Даже если бы она была какой-то пьяной фанаткой, они избili её! Это, твою мать, просто недопустимо!

Непривычно слышать в его голосе отчаяние. Он пробрался в такое место внутри меня, что я закрываю глаза и прикусываю губы. Не было времени спорить с самой собой из-за своих же неадекватных реакций. Они говорили обо мне, о прошлой ночи.

Выскользнув в коридор, я устала сидеть в передней части автобуса. Солнечный свет струился сквозь открытое окно в крыше автобуса, что превращал волосы Бренды в золото и пламя. Она сидела на кожаном сиденье, один из её каблуков нечаянно ткнул основание стола. Взгляд её густо накрашенных глаз устремился ко мне.

Руки Дрездена скрещены на груди, а широко распахнутые глаза глядели на меня. Я не знаю, что именно светилось в этих зелёных глубинах, но это заставило мою кожу пылать. Но он быстро спрятался за своим равнодушием, скосив глаза в сторону. Солнце очерчивало каждый мускул на его оголённых плечах, которые великолепно демонстрировала его майка без рукавов.

Они оба смотрели на меня, но Бренда заговорила первой. — Лола! Как хорошо, что ты проснулась. Ты можешь сама ответить на...

— Она не будет этого делать! — Огрызнулся Дрезден, раздувая ноздри.

— Не буду делать чего? — Мой голос звучал грубо. Прочистив горло и желая только воды и зубной пасты, я осторожно смотрю на них. — Расскажите мне, что происходит.

Бренда пригладила свои длинные, отдающие пурпуром, волосы. — Дрез рассказал мне о прошлой ночи. — Мои щёки порозовели, когда я представила, в скольком на самом деле он успел ей признаться. — Не беспокойся, — неожиданно говорит она, ошибочно определив источник вспыхнувшей у меня паники. — Никто не сделал ни одного фото или что-то в этом роде. К тому же, я уволила этих засранцев. На следующей остановке у нас будут новые ребята, но...

Оторвавшись от стены, Дрезден делает шаг в мою сторону. — Она хочет, чтобы ты приняла участие в фотосессии до начала следующего шоу.

— Ох, — я морщусь от его хмурого выражения лица и обращаю взгляд к Брендe за разъяснениями. — И почему же это плохая идея? — У меня до этого ни разу не было фотосессии. Конечно, это совсем не трудно, не говоря уже о том, чтобы спорить из-за этого.

С самодовольством посмотрев на Дреза, рыжая поманила меня к себе. Не произнеся ни слова, я присела на другое кресло. — Лола, в этом нет ничего плохого. Это "засветит" твоё имя, твоё лицо и разрекламирует тебя для поклонников группы. Прояснит ситуацию с тем, что Джонни Мьюз ушёл, и ты теперь в деле, это всё важно для имиджа группы. Плюс, всё произошедшее прошлой ночью больше не будет проблемой.

Ладонь Дрездена опустилась, хлопнув по столу, стоящему между нами. Подпрыгнув, я прижала руки к груди, желая успокоить своё сердце. — Фотосессия- это не проблема! Проблема — это то время, которое она проведёт вне репетиций! Бренда, у нас есть только один день до начала шоу в Колорадо, нам нужна каждая минута, что у нас есть, чтобы быть уверенными, что Лола готова.

— А я говорю тебе, — раздражённо отвечает Бренда, — что я могу позвонить заранее и устроить это в ночное время! Это вне расписания и не займёт больше часа.

— Час на фото — согласен. А что насчёт часа для выбора места, а потом час на то, чтобы подготовить её?

Бренда закатила глаза, её губы побелели.

Хотя моё сердце по-прежнему пыталось выскочить через мой рот, я всё-таки посмотрела на Дрездена. — Почему мы не можем сделать фото прямо здесь, в автобусе? И нам не понадобится терять время на остановки, антураж и всё такое.

Перегнувшись через стол, Бренда схватила меня за руки. — Да! Просто великолепно! Я заставлю фотографа забраться к нам в автобус вместе с косметикой и гардеробом, тогда тебе не придётся прерывать репетицию. пока они не подготовятся! Когда мы закончим, ты сможешь вернуться к музыке, пока они соберутся и прыгнут в машину, которая последует за нами! Лола — ты гений!

Я не упустила самодовольную улыбку, которой она одарила Дрездена, на что он её ответил грозным и хмурым видом. Его глаза, обычно зелёные, были тёмными, как шторм, когда он посмотрел на меня. — Хорошо. Мне пофиг. Просто сделай всё, чтобы прошлая ночь не повторилась и шоу прошло гладко.

— Конечно, я всё сделаю. — Она сморщила свой нос. — Послушай меня, я всё сделаю, чтобы тебя ничего не тревожило. — Оттолкнувшись от стула, она прошла мимо высокого

вокалиста и вытащила свой телефон. — Я сделаю пару звонков, не расходитесь. Через тридцать минут мы будем в пути.

После того, как Бренда покинула автобус, Дрезден стал всё равно, что "чёрная дыра". Я с ним наедине, он так близко, и мой мир сжался до размеров игольного ушка. Его ладони касаются стола, мои, лежащие на бёдрах, дёрнулись. — Ты не должна поощрять её. Бренда получает удовольствие от любой маленькой победы надо мной. Она не знает жалости.

Мой язык потяжелел от неуверенности. — Однако, она права. Произошедшее прошлой ночью случилось из-за того, что охрана не имела никакого понятия о том, кто я такая.

Не мигая, Дрезден рассматривал меня из-под опущенных бровей. — То, что произошло прошлой ночью, случилось из-за того, что мы дали слабым людям почувствовать вкус власти. Они следовали за ней, она управляла ими.

Он меня не слушал. — Что это...

— Ты просто подумай! — Его голос был сродни пощёчине. Я выпрямилась. — Просто потому что они подумали, что ты пьяная шлюха, которая хотела трахнуться... — Моё горло болезненно сжалось. — ... никак не извиняет их поведение! Эти ублюдки должны были увести тебя прочь. К чему им надо было заходить так далеко, чтобы избивать тебя?

Следы от ногтей проявляются на моих ладонях. Мне потребовались невероятные усилия, чтобы успокоить мышцы своих плеч. — Ты только отчасти прав. — Дрезден приподнимает свой подбородок, усиливая моё замешательство. — Ладно, они зашли слишком далеко. Моим порезы и гордость согласятся с этим. А если честно? Даже если бы они попытались выпроводить меня, это всё равно бы переросло в драку. Я бы просто так не ушла, я хотела зайти сюда — вовнутрь.

Дрезден рассматривал меня, а потом улыбнулся, от чего все силы покинули моё тело. Неожиданно сидение стало таким удобным. — Ты бы подралась с ними вместо того, чтобы пойти и найти Кольта, Портера или Бренду?

Его искреннее удивление сказало мне о том, как мало на самом деле он знает обо мне. А откуда он может знать? Моя история не записана на CD, в отличие от его. Ему не понять, что я со мной сделали... что я вытворяла. Вплыли воспоминания о том, что произошло со мной в средней школе. Кулаки, которые колотят меня, рот полный крови.

Я не могла сказать Дрездену, до какой степени я была на самом деле бойцом.

Это, наверное, к лучшему.

— Это не важно. — Подняв плечи к своим ушам, я начинаю соскальзывать с кресла. — Ты сказал, что хочешь репетировать.

— Сначала ты должна поесть. — Он выдохнул, как будто что-то раздражало его, он развернулся к шкафчикам, располагавшимся на стене автобуса. — Хотелось бы иметь побольше всего, мы давно не закупались. Я напомню Бренде. Думаешь, твой желудок сможет переварить обычные рогалики?

Сквозь рассеянный солнечный свет, льющийся через открытую крышу, я разглядываю его затылок. Затем неосознанно мой взгляд двигается вниз по его спине. Ряды мышц, едва скрытые его тонкой майкой, похоже были прямым путём к моей гибели. Он такой... красивый. Почему кто-то, настолько пугающий, должен быть таким неотразимым?

— Конечно, рогалики отлично подойдут.

Мы вместе сидели за столиком и ели залежалый завтрак. Это было до странного нормально. Я не помню, когда последний раз ела так непринуждённо хоть с кем-нибудь, даже со своим братом. Жизнь всегда была такой занятой... а тут такая роскошь, словно в

романе, просто сидеть и кушать.

Ломая рогалик, я смотрела на профиль Дрездена в золотом свечении. Его нос и челюсть были сильными, настолько острыми, словно высеченные крылья бабочки. Это было лицо, которое я столько раз рассматривала в журналах или на сайтах блогов, но глядеть на него живьём-это напоминание мне о том, где я нахожусь. Я не забыла, как вчера утром проснулась с болью в шее на жёстком сиденье в развалюхе-автобусе своего брата.

Сколько всего успело поменяться. Кусочек откушенного рогалика у меня во рту был сухим. И я неминуемо обнаруживаю, что мои мысли возвращаются к прошлой ночи. *Дрезден, ванная комната, ванная...* Я тянусь к зудящей повязке на локте.

Он вытянул шею, а его грозные зелёные глаза закрылись от моего действия. — Ещё болит?

Лицо порозовело. Сделав глоток из бутылки воды, что он нашёл для меня, я вытираю рот и замираю. — Нет, всё... я в порядке. Не беспокойся об этом. Я сильнее, чем ты думаешь.

— Я думаю, — прошептал он, — что мы уже обсудили это прошлой ночью. — Его медленная ухмылка была такой же осязаемой, как и пальцы, пробегающие по моим бёдрам.

Сжав колени вместе, я подавила волну...*чего? Похоти? Страх?* Почему я не вижу разницы? — Можем мы не говорить об этом?

— О чём именно?

— Обо всём, — пробормотала я. Бросив оставшуюся часть рогалика в мусорное ведро, я оглядываюсь на заднюю часть автобуса.

Дрезден читает мои мысли. — Если тебя беспокоит то, что группа узнает, то не переживай. Бренда им ничего не расскажет.

Медленное размеренное дыхание совсем не успокаивает меня. — Хорошо, просто... последствия. — Уф, даже разговор о том инциденте в ванной заставляет мой череп пульсировать. *И остальные части тоже.*

Что-то касается моей лодыжки под столом. Мне понадобилась секунда, чтобы понять, что это был жёсткий материал ботинка Дрездена. — А что насчёт последствий?

Моё лицо — худший пример беспристрастия. Я раскрыла глаза так широко, что они заболели, и, не моргая, я уставилась на него. Как он может выглядеть настолько самодовольным? Его совсем не заботит то, что они могут узнать? Я повидала достаточно драм внутри группы, чтобы знать, что такое дерьмо, как это, никогда не заканчивается хорошо. Всего лишь одна сплетня или один реальный факт — этого будет достаточно для того, чтобы породить скандал или очернить имя.

Эта группа — это мой шанс. Ни при каких обстоятельствах я не буду рисковать этим. Я даже не знаю, ради чего я бы могла рисковать всем этим. Глаза Дрездена была наполнены тёмными обещаниями. — Послушай, — я начинаю говорить.

Он отдёргнул ногу в сторону. От этого я почувствовала какое-то опустошение. — Лола, я не какой-то грёбаный придурок. — Это была жестокая сторона этого вокалиста, которую я увидела такое количество раз всего лишь за день. Это совсем не утешало, но от этого я чувствовала меньше хаоса внутри себя. — Я не собираюсь говорить ни слова Кольту или Портеру, или кому-то ещё.

Трепет в моём сердце затих. Его слова должны были успокоить меня. Но вместо этого, они оставили меня какой-то обманутой и с чувством боли от разочарования, которое я не могла выразить. Он думает, что то, что произошло, должно быть скрыто. *Он прав.* Но почему

мне так больно слышать об этом? Сжимая свою бутылку воды, я выскакиваю в проход. — Тогда мы мыслим одинаково. Отлично. Мне надо пойти поговорить с братом. — Не дав ему возможности возразить, я спускаюсь вниз по ступенькам автобуса.

Мне нужно поговорить с Шоном, но я этого не планировала. Мне просто нужно сбежать от Дрездена и его надоедливого присутствия. Парковка в Гриффине была заполнена машинами, которые остановились для ночёвки. Мне не понадобилось много времени, чтобы найти автобус Barbed Fire.

Я думала сначала позвать его, но вместо этого просто подбежала к двери и толкнула её. Она легко открылась, а за ней показался Шарк. Он испугался, увидев меня. — Лола! Блядь, ты напугала меня!

— Прости. — Его подлинный испуг заставил меня улыбнуться. Меня охватила грустная ностальгия. Нет, для этого ещё слишком рано. Я начала своё путешествие только вчера. Время задуматься об этом автобусе и этой группе придёт позже. — Мой брат здесь?

— Вообще-то... — произнёс голос позади меня. Развернувшись, я встретилась глазами с Шоном. У него была нежная улыбка на лице и поднос с кофе в руках. — ... я уходил за напитками для парней. Я принёс один лишний, хочешь?

Схватив чашку, я чувствую, как жар выходит наружу сквозь пену. — Спасибо. Э-э, думала, что мы поболтаем, прежде чем все уедут на день.

Шон поднял поднос, подталкивая его к Шарку. Тот с растерянностью принял его. — Отдай это, — пояснил он. — Я пойду прогуляюсь вместе с Лолой.

* * *

Мы прогуливались вдоль автостоянки, а потом вверх по дороге. Было рискованно уходить слишком далеко, хотя ни один из нас не обратил на это внимания. С молчаливого согласия, мы ходили кругами. — Итак, значит тебе это нравится? — спросил он, отпивая из своей чашки.

Я вдыхаю пар, поднося кофе ближе к себе. — Ну, большая часть из всего этого. — Шон замедляется и поднимает бровь. Он побуждает меня продолжать. — С музыкой дела идут гладко, они, похоже, верят, что я смогу выступить завтра. Просто... — Каким словами мне это выразить? — ... в Дрездене есть какая-то своеобразная напряжённость.

Мягко сказано.

— Что за напряжённость?

Кремовая кожа на моих щеках стала бордовой. — Я не знаю. Может, он такой сам по себе. Когда мы играем вместе, его пение просто ошеломительно. — Я думаю о его пальцах на моём теле, грубой поверхности его джинсов, и меня пробирает дрожь.

Шон пнул камень, наблюдая за тем, как он катится по дороге. — Не бойся Дрездена Гелифакса. Он такой парень, к которому тебе надо держаться поближе. Он может показать тебе разные места, рассказать много всего и многому научить.

Мои ноги застыли. Я перестала идти, уставившись на Шона. — Что ты имеешь в виду?

Его улыбка напряжённая. — У такого парня, как он, сердце поэта. Именно поэтому он так хорош в том, что он делает. Ты должна двигаться вперёд и попытаться взять немного этого самого для себя.

Взять часть Дрездена Гелифакса. Эта мысль сама по себе была абсурдной. Этот парень пытался взять часть меня. Однако, было просто невозможно сказать об этом Шону. Он или не поймёт, или, что хуже, подумает, что я веду себя, как идиотка. Я изо всех сил стараюсь убедить себя, что я ещё не успела превратиться в неё. — Хорошо. Я буду иметь это в виду.

— Ты уверена, что с тобой всё в порядке, Лола? — Обернувшись, мой брат изучает меня с ног до головы.

Я пожимаю плечами. *Я просто пытаюсь справиться с парнем, который пугает меня и одновременно с этим превращает всё внутри меня в желе.* Я неловко потираю свои логги, радуясь тому, что мои руки закрыты. Шону не нужно знать хоть что-то о прошлой ночи... Дрездене и обо всём остальном. — Я в порядке. Пожалуй, мне надо вернуться обратно, Бренда сказала... — Я замолчала. Упоминание о Бренде пробудило что-то ещё. Часть того, что я потопила в алкоголе прошлой ночью. — Эй. Шон?

Он в ожидании склонил голову.

Кофе в моих руках стал холоднее. — Почему ты никогда не говорил мне, что прослушивался в группу Дрездена несколько лет назад?

Я знала своего брата очень хорошо. В тот момент, когда его лицо вытянулось, я была уверена, что что-то было не так. — А. Это.

— Шон, расскажи мне. Почему это не стоило того, чтобы упомянуть об этом?

— Лола, дело не в этом. — Потирая шею, он поднял взгляд к небу. — Лола, это было давно. У тебя... были другие проблемы. Это было глупое прослушивание.

Глупое прослушивание, с которым я справилась вчера. Однако то, что он сказал, заставило меня призадуматься. Он прав, что два года назад, я была озабочена более важными вещами. Неосознанно мои пальцы блуждали по внутренней стороне моей правой руки. Ногти скребли по тому месту, где было скрыто тату. — Ты не сказал мне, потому что ты... что? Не хотел меня беспокоить?

— Да, я не хотел угнетать тебя ещё больше. — Он щёлкнул языком. — Блядь... Лола, послушай. Два года назад всё было так беспокойно. Но сейчас ты в порядке, и я тоже в порядке. Мы оба усмирили своих демонов. Единственное, что сейчас важно, это то, что мы имеем в данный момент.

Внутри себя я хочу согласиться. Никто не хочет быть подозрительным в отношении своего родного брата. — Ладно. Ладно, не беспокойся. Это уже не важно.

Его лицо смягчилось. — Хорошо. А теперь, что ты собиралась сказать до этого?

— Ох. — Я почти выронила свой кофе. — Ох, твою мать. Мне надо идти! Бренда запланировала фотосессию на сегодня, и я... я поговорю с тобой в самое ближайшее время! — Помахав, я со всех ног бегу к парковке.

Мои лёгкие ревели и кричали, когда я запрыгивала на ступеньки автобуса. Внутри я нашла Дрездена и Портера, которые ждали меня. Они оба удивлённо посмотрели на меня.

Басист ухмыльнулся, демонстрируя каждый свой зуб. — Так! Ты готова репетировать? — Задыхаясь, я сжимаю грудь, не в состоянии сказать ни слова. — Фантастика! Кольт так напился, что нет такой вероятности, что у него нет чёртова похмелья. — Его руки опускаются мне на плечи, притягивая меня ближе. Я вижу, как сузились глаза Дрездена.

— Как насчёт того, — он усмехается мне в ухо, — чтобы разбудит его по высшему разряду?

Глава 1

Дрезден

К тому времени, как автобус отправляется, мы все уже проснулись и находились в репетиционной. Лола настроила свою гитару, а потом по предложению Портера начала

играть с усилителем, поднимая его до тех пор, пока Кольт не схватился за голову. Это именно то, что надо. Момент, который ломает всё напряжение.

Как бы мне хотелось, чтобы это сработало и для меня.

Всю ночь меня мучил образ Лолы. Её пухлые губы, изгиб её шеи, то, как дико рассыпались по плечам её тёмные волосы. Даже её запах присутствовал в моих снах. Что ещё хуже, когда я проснулся, могу поклясться, что он витал вокруг меня.

Когда она ушла, в моей душе в самом деле засела грусть.

То, что я увидел её этим утром, лишь немного успокоило меня. Я был рад ввязаться в сражение с Брендой. Это слегка сгладило событие, связанное с внешним видом Лолы. Увидев её горящие щёки, я жаждал обхватить её бледную кожу до тех пор, пока она не покроется синяками.

Не думаю, что я опасен. Сейчас, когда животное оживает внутри меня, я должен задуматься над этим. Если я останусь с Лолой наедине, никто не осудит меня, не остановит меня... что бы я сделал с ней? Мысли о её мурлыкающих губах, жалобных вскриках заставляют моё сердце биться чаще. Кровь движется во мне в полном беспорядке.

Я сам в полном беспорядке.

Чёрт.

Прислонившись к стене, я наматываю провод микрофона на пальцы. Я представляю, что это её волосы, мои рывки становятся жёстче. — Эй, — говорит Кольт, заглатывая ещё одну полную ладонь таблеток от своей головной боли. — Мы будем делать это или как? Выбирай грёбанную песню, маэстро.

Оттолкнувшись от стены, становлюсь прямо в самом центре комнаты. Я уверен, что видел, как Лола вздрогнула, откинувшись на скамье. Всё, что она делает со мной, заставляет меня проклинать себя самого или её. Как может одна девушка так сводить меня с ума? — Давайте, сыграем Velvet Lost, — ворчу я, мои слова острые, как бритва. Скрыть свой голод по Лоле так чертовски трудно. Единственный выход — просто попытаться смириться с моим неудержимым гневом.

— Отлично, как пожелаешь, — ворчит Кольт. Его настроение было мрачным, но он сам виноват. Ему не следовало так напиваться. Но, в отличие от Джонни, я знал, что Кольт не позволит своим пристрастиям разрушить его музыку. Моя уверенность возвращается, когда он начинает отбивать на своих барабанах.

Вместе мы замешиваем наши звуки музыки. Портер задаёт основные акценты, как бы облизывая сладкие звуки струн Лолы и делая их такими чистыми. Выпив свою воду, я отбрасываю пустую бутылку в сторону. Забытая всеми, она падает где-то позади.

— *Невозможно отказаться от этой нежности, разгорающейся так быстро. Моя любовь, моя голубка, это будет для тебя последним...* — я шепчу в микрофон, позволяя словам окутать мой язык и душу. Каждая песня, которую я когда-либо написал в своей жизни, имеет значение. Это было тем, за что группа со мной сражалась время от времени.

Я говорю им, что текст изменить нельзя. Я складываю руки и стою на своём, не обращая внимание на причитания Бренды. Это моя музыка, моё долбанное сердце и сущность, и моя чёртова кровь.

И ни у кого нет права менять это.

Смотря прямо на Лолу, я оцениваю её игру. Она не мучается так, как это было вчера. Это хорошо. У нас нет такой роскоши, как время для её ошибок. — *Если я достану тебя из могилы, ты будешь моей... Ты будешь моей...* — Её глаза сверкают, приклеившись ко мне,

потом к моим губам. Я раскрываю их, это поцелуй через всю комнату. Это обещание, я попробую её, как только придумаю как это сделать.

— *Затерянные во времени*, — шепчу эти слова, прожигая ими кожу. — *Твоя погибель станет моей. Моя любовь станет последней для тебя.*

И в тот же миг Лола сфальшивила. Полнейшая тишина, неверная нота, она запнулась так, как будто забыла все слова прямо во время разговора. Стоит отдать ей должное, она восстановилась и продолжила играть. Напряжение в её шее и плечах было ясно, как день.

Вчера, когда она продолжала ошибаться, я просто взорвался от жуткого возмущения. Ярость охватила весь мой мозг. Глядя на её раскрасневшееся лицо, потный блеск её шеи... я знал, что происходит.

Я, наконец, понял.

Она путается, когда её начинают затягивать мои слова. Когда я пою, обращаясь к ней, и она чувствует это, она не может контролировать себя. Это восхитительно, ужасно и удивительно- всё сразу. Какую чёртову власть я имею над ней. Я могу сделать её такой чувствительной, что она забывает про весь свой талант и превращается в кого-то, кто ни разу в жизни не касался гитары.

Я могу сломать Лолу.

Это не должно так волновать меня.

Все продолжают играть. Они останавливаются только тогда, когда я оказываюсь единственным, кто бросает это дело. Я всегда требую совершенства и усердной работы. Изнутри меня разрывает напополам греховная стена соблазна. Лола должна показать себя равной. Группа надеется, что она покажет всё своё мастерство.

Но мысль о том, как она будет уничтожена по моей вине, что касается её разума и тела...

Чёрт, от этого меня пробирает дрожь.

Когда я пою свои строки, мой рот активно наполняется слюной. — *Бархат затерялся на коже твоих костей, бархатные дорожки ведут только к камням.* — Со всей силой душевного напряжения, я направляю тепло из глубин своей души прямо к голосу. Мои джинсы стали узкими от волнения. Мне нужен отзыв Лолы. Мне он нужен настолько сильно, что я ощущаю пульсацию в зубах. — *Нежная любовь, последняя любовь, ты будешь пылать для меня...*

Вот оно: протяжный звук её оплошности. Её фальшь — это песня для моего сердца, которая пролетает сквозь меня, как птичка с обещанием. Никто не замечает этого, но меня пробирает дрожь от такой необходимости. Боже, неужели я настолько облажался, что я нахожу радость в том, чтобы затронуть её единственным доступным мне способом? Ласкать её своей песней, пока она не сломается?

Да, я болен. На самом деле. Я сжимаю микрофон и позволяю музыке затихнуть на незаконченной песне. Пока я наблюдаю за Лолой, мой лоб разглаживается. Всё внутри меня, самые потаённые уголки, были скользкими и покрыты морщинами. — Вот поэтому я говорю Брендe, что нам нужно максимально дозволенное нам время. — *Поэтому мне нужна каждая чёртова секунда, что я могу заполучить, с тобой, Лола Купер. Всё остальное-пустота.*

— Прости, — шепчет она, нервно пробегая пальцами по волосам. Снова и снова она играет с длинными прядями. Она почти ничего не делает для того, чтобы усмирить свои локоны. — Мы можем просто попробовать ещё раз?

Мои брови близко сходятся на переносице. — Ты уверена, что это не будет напрасной тратой времени?

— Дрезден! — огрызается Портер, хватаясь за шею. — Блядь, мужик. Так каждый раз. Просто успокойся, ты же знаешь, что она может это сделать.

— Я не знаю, твою мать. — Это ложь. Она может сделать это, если я не буду петь прямо до самых клеточек её кожи. Я намеренно заставляю её совершать ошибки. *Чёрт, чёрт, чёрт, я так сильно переживаю из-за этого.* Наклонившись, я хватаю очередную бутылку воды, чтобы скрыть свою эрекцию. — Снова, так снова.

Я могу делать это вечно.

Все вопросы, касаемые моего обещания вчерашней ночью, пропали сами собой. Я сказал себе, что сделаю Лолу своей, сделаю всё для того, чтобы заявить на неё свои права. Если я должен начать с её навыков, с контроля над тем, как она выступает, тогда я сделаю это. *Я — монстр.*

И мне плевать на это.

Следующая песня Black Grit (*прим. "чёрный песок"*). Лола знает её достаточно хорошо. Она хорошо справляется, пока я пою. Один раз она даже умудрилась посмотреть мне в глаза и не пропустить ноты. Она понятия не имеет, что я раскусил её. Мне бы хотелось заглянуть в её голову. Обвиняла ли она себя? Нервы? Я не видел, чтобы она кусала себя сегодня, но я не могу быть до конца уверен в этом.

Если она использует боль, чтобы держать своё тело подальше от меня, что тогда?

Переполненный энергией, я со всей силой, что есть в моём горле, перехожу к припеву. Это может привести к тому, что вся сцена перевернётся вверх дном, я буду исполнять это для такой огромной толпы, что вы можете затеряться в ней на несколько дней. Сейчас я направил всю эту волну на одну девушку. У Лолы нет ни единого шанса.

Если бы не ремень на шее, она бы выронила свою гитару.

Остальные участники группы выражали своё недовольство. Внутри я был наполнен восторгом.

— Иисус, — вздохнул кольт. Прижав бутылку с водой к своему лбу, он искоса глядел на меня. — Послушай, я должен сказать... может, мы не должны были так поспешно выгонять Джонни.

Мой желудок скрутился, как кобра. Приступ боли пронзил мою шею: я слишком резко отвернулся от Лолы, чтобы посмотреть на своего барабанщика. Дерьмо, что я творю? Степень всей ясности была холоднее, чем глубины океана. Я, нахрен, саботирую свою собственную группу. Несмотря на своё же обещание, моё желание, мысленно... я принимал тот факт, что я был в полнейшей неразберихе. Но она нужна мне, и только таким путём я могу заполучить её. Единственная возможность добраться до самых её глубин, на которые никто не имеет права, о которых никто даже не смел мечтать.

Но стоит ли игра свеч?

Сражаясь с испорченной половиной самого себя, которая желала оказывать влияние на Лолу, я посмотрел на Кольта и Портера. Моя группа, парни, которые были рядом со мной на протяжении четырёх лет. Парни, которые знали меня с лучшей и худшей стороны. На самом деле, не самую худшую.

Лола понимает это.

Это — не выход. Если я продолжу в том же духе, то мы потеряем всё. Как я могу удержать Лолу рядом с собой, когда группа развалится, если мы провалимся на сцене и

потеряем всё? Наблюдая за темноволосой девушкой, я провожу языком по нижней губе. — Нет. Я сделал правильный выбор. Она может это сделать. — Лола присела, сгорбившись. — Ещё раз. Играем заново.

На этот раз я держал себя в руках. Я не пытался сделать так, чтобы она сбилась с нот. Я приложил все свои усилия, чтобы контролировать свою потребность в том, чтобы прочистить ту часть её мозга... и мне удалось это.

Когда последний аккорд разнёсся по комнате, я оглядел свою группу. Их облегчение, их волнение были заразительны. — Видите? — я одарил Лолу небольшой улыбкой. — Я знал, что у неё получится. — Мне нужно, чтобы она могла сделать это.

И мне необходимо моё влияние на неё.

Чёрт возьми, ну почему мне нужно всё это одновременно?

Закатив глаза, Портер срывает свою бас-гитару. — Да, да, ты просто ясновидящий. Давай попробуем ещё одну.

Мы играли уверенно, как единая группа. Four and a Half Headstones возвратился к жизни. Мои уши просто трезвонили о том, что сейчас мы играем так же хорошо, как и тогда, когда мы были на самом пике. До того, как Джонни стал всё глубже погружаться в свои дурные привычки. Назад к тому времени, когда мы только взяли его, в тот же день, когда мы отказали Шону Куперу.

Брат Лолы. Интересно, о чём они говорили сегодня утром. Сказала она ему что-нибудь обо мне? И спрашивал ли парень об этом вообще? Это не моё дело, однако, в то же время, я чувствовал, что всё связанное с Лолой было моим делом. *Боже, я хочу её.* Моя кожа просто кипит от голода, а язык на языке играет вкус крайнего возбуждения.

На самом деле, я чуть не пропустил текст. Никто не заметил этого, только я.

Этого было достаточно.

После часа, потраченного на репетицию, я ударил по куче пластиковых бутылок вокруг меня. Лола вспотела, передняя часть её рубашки была в пятнах. Тёмное пятно привлекло внимание — моё внимание — к её вздымающейся груди. Прислонившись к скамье, она смотрит в потолок, её горло подёргивается. Её тяжёлое дыхание рождает разные грязные мысли в моей голове.

Мгновенно я вспоминаю, как она выглядела подо мной в ванной. Её приоткрытые губы, широко распахнутые глаза и дикий аромат. Я слышал биение её сердца, как бежала её кровь, и то, как я всё сильнее вжимался в неё.

Я отвёл свой взгляд, но это не помогло.

Я взъерошил себе волосы, мне не надо тратить время на то, чтобы справиться с ураганом дрожи, охватившим меня. Бренда здесь, и это отрезвило меня. Она протиснулась через занавеску, оглядывая всех нас, но сосредоточилась на Лоле. — Хорошо, прекрасный момент.

— Что ещё за прекрасный момент? — ворчу я.

Мой менеджер проходит мимо меня. Она всё ещё в своих до смешного высоких красных туфлях на каблуке, острые кончики которых цепляются за ковёр на полу. — Пойдём, Лола, автобус притормозит уже через минуту.

Гитаристка приподняла брови. — Что? Зачем?

— Наш фотограф уже рядом, он с командой на стоянке около мебельного магазина, — обхватив себя за бёдра, рыжая постукивает ногой. — Пойдём, давай поторапливайся!

Сапфировый взгляд Лолы метнулся ко мне. Он выражал мольбу, и был явным

свидетельством того, почему меня избегали. Она спрашивает моего разрешения уйти или просит остановить эту съёмку? — Иди и сделай это по-быстрому.

Бренда взбила свои волосы. — Расслабься. Мы сделаем это прямо в автобусе. Они просто сначала приведут её в порядок, а потом сделают пару снимков пока мы будем ехать. Ничего сложного.

Ничего сложного, думаю я про себя. Ни говоря ни слова, я скрещиваю руки на груди и смотрю, как они покидают комнату.

Когда шаги стихли, Портер резко откашлялся. — Итак. Первый раз с тех пор, как Лола присоединилась к нам, мы все были един целым.

— Да, — Кольт потирает подбородок своей палочкой.

Они ждут, пока я что-нибудь скажу. Я вижу это у них по глазам. Установив микрофон на стойку, я опускаюсь на скамью. — Скажите всё, что считаете нужным.

Портер посмотрел на пол так, как будто там были написаны слова, чтобы их прочитать.

— Она хороша. Думаю, сейчас она справилась со своими нервами.

Нервы. Мои губы скривились. Нервы — это неверное слово, но им это знать необязательно. Я полностью уверен, что Лола поглощена мною. Её неловкие моменты были порождением её чувств, её реакций. Для меня это было личным подарком, о котором им нет нужды знать.

— Забудь про это, — пробормотал Кольт. — Что это за фотосессия? Я что-то пропустил, нам нужны новые фотки или ещё какое-то дерьмо в этом роде?

Внутри меня шли забавные баталии. Я знаю, что могу прикинуться дурачком и заставить Бренду найти подходящий ответ. Перекладывать это на неё — большой риск. Я знаю, что она и слова не скажет о том недоразумении с охраной, это также подпортит её репутацию, но, если они надавят на неё, она не сможет придумать достойную ложь... Наклоняясь вперёд, я сживаю свои колени. — Бренда сказала, что Лоле надо сделать пару фото. Материал для соцсетей и всё в таком же роде.

Двое мужчин закивали, с удовольствием приняв мой ответ. Это было достаточно близко к истине, чтобы выглядеть правдоподобным. — В таком случае, — зевнул басист, — я хочу выпить кофе. Уверен, что у нас оставалось что-то в шкафу.

— Я напомню Бренде, что надо пополнить запасы. — Ноги хрустнули, когда я поднялся. Мне только двадцать один, но стресс и недостаток сна в последнее время заставляли меня чувствовать себя намного старше. Мы вдвоём медленно пошли в переднюю часть автобуса. Не знаю, что я ожидал там увидеть. Может, парня с камерой или какого-то визажиста.

Высокий зонт с освещением стоял в проходе, загораживая большую его часть. Портер шагал перед ним, высоко подняв руки над головой. — Эй, давайте, дайте же мне пройти!

— Секундочку, — рявкнула Бренда. Она появилась рядом со мной, вытаскивая за руку Лолу из ванной. Моё испорченное настроение стало налаживаться... А потом я увидел её.

Кто-то, без сомнения это была Бренда, заставил гитаристку вылезти из её потрёпанных штанов и такого же топа. В чёрных рваных джинсах, которые открывали заднюю часть её бедра, Лола была словно видение. Чёрно-белая обтягивающая майка, выставившая на показ её лопатки, и высокие лаковые ботинки завершали её ансамбль.

Она не была той Лолой, которую я знаю... но я видел, что мне очень нравится эта версия.

Её щёки пылали. Голубые глаза искрились, бросая в мою сторону очередной

молчаливый крик о помощи. Я понял, что она уже это всё ненавидит. Бренда провела её мимо нас, наши тела находились так близко в узком проходе. Сладкий аромат, принадлежащий Лоле, пробирал меня до кости, оставаясь там.

Портер уступил место девушкам и нахмурился, когда свет от зонтика ударил ему прямо в лицо. — Эй! Хватит, не хочу прерывать всё это, но мне нужно немного долбанного кофе.

— Остынь. — Наш менеджер схватила картонный контейнер со стола. Дымящаяся жидкость с горьким запахом наполняла высокий стакан, который она торопливо протягивала Портеру. Кто-то из команды фотографов принёс нам кофе.

Лолу передали в руки группы. Две женщины и один мужчина быстро окружили её как голодные волки. Я с трудом мог разглядеть девчонку.

Беспокойство скакало внутри меня, кузнечики под кайфом. *Это не должно волновать меня.* Ей просто делали макияж. Но дело не только в этом. Она собирается показать себя всему миру. Я сильно потряс головой. В любом случае, Лола собирается показать себя завтра на сцене. Я знаю об этом.

Но понимаю ли я, что это значит?

Нет. Я нахрен даже и не думал об этом до этого момента. Ухватившись за сиденье рядом со собой, я прислушался к людям, которые порхали вокруг Лолы, как маленькие птички. Она станет такой же знаменитой, как и остальные из нас. Это означает — фанаты, сталкеры, навязчивые люди, которые будут пытаться сфотографировать её и с ней абсолютно во везде.

Лола станет такой же звездой, как и я.

Я хочу, чтобы она была моей, а она будет принадлежать миру, прежде чем это произойдёт.

Портер подошёл ко мне, протягивая кофе. — Они никогда не прикладывали столько усилий для моего макияжа, чтобы сделать снимки.

Моё настроение было слишком мрачным для его шуток. — Она будет выглядеть как совершенно другой человек.

— Не более, чем остальные, — фыркнул он.

Портер был неправ.

Наконец, вся эта группа растворилась, в проход добавили ещё один осветительный зонт. Лола была королевой, чёрные локоны были освобождены, поэтому свободно падали на её гладкие плечи. Они превратили её глаза в угольные земли, а ресницы так потяжелели, что я удивился, как она может моргать.

А эти её чёртовы губы... они сделали их пухлыми, блестящими и цвета пурпура. Эти рубины, которые морщились от недовольства, так и просили о поцелуе. Лола выглядела совершенно несчастной.

Мой басист присвистнул так тихо, что слышали только мы. Бросив взгляд в его сторону, я стал свидетелем восхищения на его лице. Он смотрел на Лолу так, как никогда. Это это было просто частичкой по сравнению с тем, что я видел с самого начала. — Вау, да она такая горячая штучка, правда? *Чёрт.*

Прикусив язык, я снова смотрю на ту, которую жажду. Они уговаривали её позировать им. Как прямая деревяшка, Лола позволила им усадить себя в кресло. Камеры вспыхнули, ослепив её прекрасные голубые глаза.

Хотя мне и не нравилось то, какой неловкой она была в руках фотографов, я должен признать, что выглядела она просто потрясающе. Мои джинсы просто кричали, умоляя о

том, чтобы я дал своему члену побольше места. Почёсывая свою голову, я не смог отделаться от своих низменных мыслей.

Кто-то подтолкнул к Лоле её гитару. Она с радостью приняла её, изменившись прямо на моих глазах. Инструмент был спасательным кругом. Он завершал картину, делал её цельной. Лола была потеряна без своей музыки, мне больно от того, насколько мы с ней похожи.

Теперь фотографии будут наполнены смыслом. Она будут показывать девушку, которая просто шедевр таланта, а не недоделанная пластиковая копия.

Моё сердце билось от сочувствия.

Съёмка закончилась быстро, как и обещала Бренда. Мы проехали несколько миль с фургоном фотографов, следующим за нами. Шины закрипели, когда автобус затормозил, чтобы команда фотографов могла сойти. Они были хорошо подготовлены. Я оценил это.

— Итак! — Бренда развернулась лицом ко мне, даже не дёрнувшись на своих слегка расставленных ногах, когда автобус снова тронулся. — Всё прошло хорошо, правда?

— Всё прошло быстро. — Посмотрев на Лолу, я заметил, что она смотрит на меня. — Готова к перерыву?

Посмотрев вверх сквозь свои ресницы, она заколебалась. — У нас есть на это время?

Она беспокоилась из-за шоу. Я тоже, но совершенно по другим причинам. Лола была готова играть. Пока я сдерживаю свою прицельно направленную чистую энергию и желание, она ничего не напортит. Я испытывал большую озабоченность по поводу её успеха.

Она удивительная. Все узнают и полюбят её.

Я напуган до усрачки.

— У нас есть время. Ты не сделаешь ничего хорошего, если потеряешь сознание от голода. — Я смотрю на Бренду. — Нам нужно больше провизии. Здесь нет буквально ничего, кроме алкоголя.

— Знаю, знаю, — взъерошив свои волосы, она нахмурилась. — Как думаете, может вы, ребята, сегодня возьмёте пиццу сегодня? Я обещаю, что завтра после шоу, укомплектую полностью продуктами это место для следующей поездки.

Портер стащил ещё кофе из коробки на столе. — Я могу поесть ещё пиццу, если ты обещаешь, что добавишь немного фруктов в следующий список покупок. — Увидев, как Бренда зажмурилась, он пожал плечами. — Мы не можем жить на одном сахаре и жире. Ты хочешь, чтобы эта группа прожила ещё несколько лет?

— На самом деле, не знаю, смогу ли сделать до завтра. — Кольт вышел из холла, его лицо было сморщенным, как сыр. — Блядь, я выпил слишком много вчера.

Отвращение промелькнуло внутри меня. Сладкий, удивлённый звук смеха Лолы ворвался в моё сознание. Она сидела на стуле, одно колено прижато к груди. Синева в её глазах светилась. — Прости, — быстро сказала она, скрывая усмешку. — Ребята, вы, иногда такие забавные.

Куда девалось моё недовольство Кольтом? Прямо в окно вместе со смехом. Тербя край своей рубашки, я сел рядом с Лолой. — Ты тоже не против пиццы?

— Сейчас сойдёт всё, что угодно. — Она играла с кончиками волос с застывшей улыбкой на лице. — Что бы они не использовали, но они сделали мои волосы супермягкими.

Боже.

Кончики моих пальцев чесались, чтобы коснуться их. Коснуться любой её части. — Дождись, пока мы не окажемся за кулисами шоу. Там ты увидишь настоящих мастеров по причёскам и макияжу.

Кресло напротив нас закрипело. — Да, — усмехнулся Портер, — И если ты думала, что прошлая ночь была безумием, то вечеринка тебя просто убьёт

Мне не понравились слова Кольта. Мои губы сложились в линию, кровь покинула их. Вечеринки после шоу, там, где парни будут виться вокруг неё-нового гитариста Four and a Half Headstones. Теперь мои пальцы болели от того, что я хотел задушить всех этих предполагаемых мужчин.

— Я была на таких вечеринках. — Она скрестила ноги, кончик её ботинка почти касался моего колена. Лёгкое прикосновение воздуха ощущается как удар. — Я сопровождала и помогала Varbed Fire, помните? В самом начале этого тура мы фактически жили среди "тех самых" девчонок. Это было безумием.

Кольт снисходительно усмехнулся. — Верно. Как говорит Портер, подожди, пока не попадёшь на настоящую вечеринку.

Её аппетитный рот превратился в электрического угря. — Да пошёл ты, вечеринки, на которых я была, были крутыми.

— Но тогда ты не была знаменитостью, — Кольт сложил руки за голову, опираясь на окно рядом с нами. — После завтрашнего дня ты станешь ею. И вот тогда ты посмотришь.

И тогда она увидит. Подняв глаза, я заметил Бренду, разговаривающую по телефону. Она стояла у начала автобуса спиной к нам. Заказывала нам еду. *Отлично.* Чем дальше я сижу рядом с Лолой, не чувствуя её и не заставляя её краснеть, тем больше я нуждаюсь в том, чтобы поместить что-то другое меж своих лязгающих зубов.

Я боюсь, что сотру в порошок все свои моральные принципы ещё до того, как завершится наше турне.

Глава 2

Лола

Пицца отлично подзаправила меня для следующих четырёх часов репетиций. Стало так хорошо, когда еда оказалась в моём желудке. Он начинал делать сальто и выписывать кренделя внутри меня с нашим приближением к месту проведения концерта.

Я была довольна, что мне удалось заставить свои руки слушаться меня, пока мы играли. Что-то произошло этим утром, хотя чем бы это ни было...

Казалось, будто Дрезден скрыл себя за какой-то ширмой. Его звучание было тем же, взгляд его изумрудных глаз был просто горючей энергией. Такая незначительная мелочь, но то, что он заглушил в себе свою убийственную манеру поведения, позволило мне играть в полную силу.

Я должна признать, что звучали мы чертовски здорово.

Портер и Кольт вышли, споря о том, кто будет первым принимать душ. В комнате только мы — я и Дрезден.

Откидывая волосы назад, со своей покрытой потом шеи, я вздыхаю. — Мышцы начинает сводить от спазма. — Я морщусь, потирая место между шеей и плечом.

Тень падает прямо на меня. Я понимаю, что это он ещё до того, как поднимаю глаза. — Болит?

Губы пересохли. Горло изнутри покрыто пеплом и песком. — Хм, это как бы... — *Помни о том, за что он постоянно упрекает тебя, делая это жёстко и вздорно. Просто скажи ему!* — ...реально классно, ага.

Дрезден, обойдя вокруг, усаживается рядом со мной на скамью, глядя прямо мне в лицо. Один поворот его руки говорит мне о том, чего он желает. — Позволь мне размять тебя. Ты

будешь зажатой и непродуктивной на завтрашнем выступлении, если я не сделаю этого.

Он прав насчёт этого? Я не репетировала так много за один раз уже долгое время. В моём мозге навсегда запечатлелись воспоминания о тянущих мышцах на следующий день после таких усилий. Сглатываю, всё ещё мечтая о глотке какой-нибудь жидкости, я разворачиваюсь. Перекинув одну ногу через скамью, я зажимаю её между своих бёдер. — Хорошо, если ты считаешь, что это необходимо.

Он, как стена жара, пылающая стена за моей спиной. Извержение вулкана, от которого я не могу убежать. Я застываю на месте, приготовившись к первым прикосновениям его рук. Опустившиеся пальцы сжимают не одну, а сразу две стороны моей шеи. Направленно и жёстко Дрезден вращает пальцами по таким узлам, о существовании которых я до этого даже и не подозревала.

Напряжение во мне выходит за пределы плеч и шеи. Опустив подбородок, я прячусь за занавесом своих волос. Он не видит моего лица с того места, где он стоит, мне нужно найти хоть какое-то прикрытие. В последний раз, когда Дрезден коснулся меня, всё пошло наперекосяк.

Сверх всякой меры.

Дрожь пробегает у меня по позвоночнику, когда он проводит большим пальцем вдоль моей яремной вены. — Ты тугая, как пружина, — невнятно произносит он. Я знаю, что он близко. Но я не готова к его дыханию, щекочущему мои уши. Горячие покалывания танцуют по всему моему телу, делая так, что каждый мой волосок поднимается наверх.

Твою мать. Он просто ходячий поток живого секса. Дрожа ещё сильнее, я впиваюсь ногтями в свои бёдра. Его "помощь" просто потрясающая, от чего становится ещё страшнее. Дрезден знает, как меня надо касаться. Он снимает боль от игры, в то же самое время оставляя на её месте совершенно иную напряжённость.

Вскоре моя голова низко повисла, а тело мягко покачивается от его движений. Давление в груди угрожает разорвать лёгкие. Сталь касается моих лопаток — это его грудь — когда он наклоняется ближе. *Это уже слишком.* Когда твёрдая горячая выпуклость его эрекции врезается мне пониже спины, я сдаюсь.

Взвизгнув, я вскакиваю со скамьи. Я думала, что он попытается остановить меня, но он ничего не предпринимает. Тяжело дыша, я с недоверием уставилась на певца. Жар в его глазах, страсть, которую он сдерживал во время пения, вернулись. — Что ты делаешь? — Ненавижу то, как хрипло и сипло звучит мой голос.

— Делаю тебе массаж, — отвечает он мягко. То, как он пожимает плечами только злит меня. Он не просто делал мне массаж, и он знает об этом. Думаю о том, что сказал мне мой брат этим утром. *Не бойся Дрездена Гелифакса. Он тот парень, с которым тебе стоит сблизиться. Он может брать тебя в такие места, говорить нужные вещи, обучить необходимому.*

У такого парня как он — сердце поэта. Поэтому, он так хорош в том, чем занимается. Ты должна двигаться вперёд и попытаться взять что-то из этого.

Краснея от ярости, я отвожу взгляд. — Ты делал больше, чем это. Гораздо больше.

Скамья закрипела, освобожденная от веса Дрездена. Его длинные ноги привели его ко мне в одно мгновение. Невозможно, но его запах заполнил мои ноздри. — Я не знаю, что ты имеешь в виду.

Как может моё сердце справиться с этим? Кровь в моём теле сейчас была подобна магме. Подняв глаза, я стараюсь смотреть только на его подбородок. *Может, позже я смогу*

сконцентрироваться. Но сейчас всё, что я вижу — это его губы. Его грёбаные ухмыляющиеся губы. Но, так или иначе, я говорю с ним. — Ты зашёл со мной слишком далеко. Я не долбанная идиотка. Я не знаю, какую игру ты ведёшь, но...

Не было такого способа, подготовить меня к ощущению его рук на моём теле. Они обхватили меня за плечи, толкнули к стене и покинули меня полностью ошеломлённую. — Я тоже не знаю, какую игру веду, — шепчет он. — Я знаю только каков будет приз.

Приз, приз, долбанный приз.

Я была трофеем.

Мой взгляд концентрируется на его лице. Его улыбка обнажает твёрдый край его зубов, которые так и хотят разорвать меня на части. Дрезден обозначил свою цель предельно ясно, отчего я лишь недоумевала, как я додумалась задавать ему вопросы. Он человек без страха. Он ничего не скрывает.

И он хотел меня.

— Подожди. — Мои слова были слабыми. Я попробовала снова, на этот раз смелее. — Прекрати, я не твой трофей.

— Нет, — соглашается он. Сильные пальцы скользят по внутренней стороне моих рук, продвигаясь забирают с собой все мои силы. — Пока нет.

Я не вынесу этого. Было много всего, что я думала о себе: умная, одарённая.

Сильная.

Ещё ни разу никто не проникал в мой мир так просто, и не разрушал его с такой лёгкостью. *Как Дрездену удалось так преуспеть в этом? Каким образом он захватил мой разум и тело с такой скоростью?* Мой мозг был окутан какой-то ватой. Мой язык бесполезен, он не может выдать ни единого аргумента.

Я на грани краха, побега или полнейшей утраты сознания. Чувствую себя так, будто загнана в угол бешеным тигром. Он долбанный людоед, и говорит себе сам, что хочет именно меня. Неужели он не понимает, что я не в состоянии справиться с этим?

Возможно, я не настолько сильная, как я думала. Может мои действия возымели обратный результат. Он думает, что я достаточно сильная, чтобы сразиться с ним. Он ошибается, разве он не осознаёт, что уничтожит меня? Дрезден Гелифакс — музыкант, полный огня и яда, и он — настоящая знаменитость. Он — звезда. Поэт, мать его, как говорит Шон

А я была никем.

Более того... я чёртова девственница. Рок-звезды — не девственники. Святое дерьмо, он порвёт меня на части. Мы на разных уровнях. Из разных миров!

Я угасну, сломаюсь, если он попытается уничтожить меня.

Он наклоняется, ухмыляясь во весь рот. Прежде чем я подумала, я делаю удар. Моё колено устремляется прямо к его животу, ударяя в его скульптурный пресс. Кряхтя, он отпускает меня, глядя с недоверием. — Что, блядь, это такое было? — рычит он.

Чувствую себя так... глупо. — Ты был... этот взгляд в твоих глазах... я просто...

— Просто скажи "нет" в следующий раз! Или остановись! О, Боже, твою мать. — Потирая свой живот, он оглядывает меня с ног до головы. И всего лишь от кривой усмешки мой мир снова рухнул. Я не обидела его, он даже не расстроен. — Ты на самом деле не хочешь, чтобы я был рядом с тобой, правда?

Чувство вины впивается в меня острыми клыками. — Нет! Это не... — *Остановись, замолчи!* — Это просто плохая идея для нас обоих.

— Почему это плохо для меня?

Колеблясь, я раскрываю свои губы. Вообще-то, на самом деле я не знаю, почему это плохо для него. — Ладно. Я повела себя как эгоистка, хорошо? Это плохая идея для меня, для моей карьеры. — Он быстро поморщился, но я заметила это. — Если между нами что-то пойдёт не так... группа, возможно, уже не восстановится. — Я- новичок, и если произойдёт какой-то скандал, то они выбросят меня за борт и возьмут нового участника. Я слишком нуждаюсь в этом. Лицо Шона, его тон, призывающий меня осознать, что это за возможность... он вбил это в мою голову так, что голова трещала. Мой брат знает, насколько это важно. Он поощрял меня не просто так.

Я не могу расстроить его, когда всё настолько очевидно идёт наперекосяк.

Дрезден вновь вторгается в мои мысли. Он скользит вверх, и его грудь оказывается совсем рядом с моей. У меня перехватывает дыхание, и я сжимаю свою челюсти. Его руки опускаются вниз, крепко удерживая мои бёдра. — Значит, ты думала о нас.

— Нет. — Да. — Никогда! — С тех самых пор, как услышала твоё пение на репетиции.

Нет. Ещё раньше.

Я влюбилась в Дрездена Гелифакса в тот самый день, когда впервые прослушала его диск. Он был рядом со мной ещё до того, как узнал моё имя или увидел моё лицо.

А прямо сейчас этот самый человек находился так близко ко мне, что я могла потереться об него своим носом, всего лишь слегка подавшись вперёд. — Ответь мне, Лола. — Он делает вдох, легко касаясь моей талии и задирая вверх рубашку, которую я так и не сняла после фотосессии. — Почему ты борешься с этим? Я могу сказать, что прошлой ночью в ванной ты хотела меня.

Меня заполняют картинки его твёрдого тела, прижимающего меня к кафельному полу.

— Я уже сказала тебе. — Мой голос становится громче, наполняемый энергией моего страха. — Я не хочу навредить группе, мать твою!

— Я думал, что ты крутая. — Он не повышает на меня голос. Он звучит жёстко и глухо, принуждая меня слушать каждое слово что он говорит. Я зависима от его голоса. — Ты думаешь, что я не переживаю за группу? — Он дёргает меня, крепко припечатывая к стене так, что кости внутри меня вибрируют. — Ты думаешь, что мне наплевать? Лола, дело не в этом! Речь идёт о том, чтобы быть готовыми, сильными, чтобы пойти на такой риск, чёрт побери!

Я не могу двигаться. Я едва стою на ногах, лишь его руки удерживают меня. *Рискнуть?* Я знаю, что значит пойти на риск. Шон обвинил меня в том, что я не готова к этой группе. Он заставил меня пройти прослушивание, из-за него я увидела, какую возможность могу упустить.

Но это не то же самое.

Тогда что?

В коридоре послышался шум. Дрезден отпустил меня, отступая назад, и направился к микрофону. Я стою напротив стены, со страхом взирая наружу. Если мой разум вырвали бы наружу, выставляя его на всеобщее обозрение, то это было бы ещё хуже.

Кольт опрокидывает в себя содержимое стаканчика, сопровождаемый ворчанием Портера, входящего следом за ним в комнату. — Меня не волнует, если это была последняя чашка кофе, — говорит барабанщик. — Ты выпил три долбанные чашки, я заслуживаю хотя бы одну... — Он останавливается, заметив меня на том месте, где я стояла.

Ох, блядь.

Медленно облизывая губы, я стараюсь заговорить. Я должно быть выгляжу подозрительно с этим своим диким взглядом, раскрасневшимися щеками и тяжёлым дыханием. Твёрдые соски выделяются, словно пики, через мою рубашку.

— Лола, — спросил он осторожно, — ты в порядке?

Я не отвечаю сразу же. Портер врывается в барабанщика, эти двое сталкиваются, выплёскивая кофе. — Мать твою, Кольт. Почему тебе надо стоять прямо за занавеской?

— Нахрена ты идёшь прямо на меня! — кричит он, вытирая рубашку.

Пока продолжается перепалка, я отталкиваюсь от стены. Надеюсь, никто не будет трогать её, потому что её поверхность ощущается как раскалённая лава, после моего тела. Пересекая комнату, я выбегаю через занавес и исчезаю до того, как кто-нибудь посмеет остановить меня.

Я знаю, что только одна пара глаз смотрела мне в след, когда я покидала комнату. Зелёные глубины Дрездена заклеили меня так, будто высекли тату на моём плече.

Мне нужен воздух, мне просто нужен воздух. В коридоре я одна. Бренда присоединилась к автобусу, на котором перемещался персонал, сразу после того, как мы забрали пиццу. Водитель натянул тонкую простыню в передней части автобуса, устроив для себя немного личного пространства, пока тихо подпевал радио.

Заняв место подальше, я приоткрываю одно из тонированных окон. Прохладный ветерок забирается вовнутрь, приятно покалывая лицо. Тот мира снаружи пролетает как движущиеся картинки. Горы, лазурные небеса и такие густые облака, что кажется, что можешь удержать их в руках.

И, тогда, я понимаю, где мы.

Мы пересекли границу Колорадо. Это значит, что мы прибудем на место... я достаю свой телефон, смотря на время. *Неужели уже шесть вечера?* Мы прибудем завтра утром. Не могу поверить. Всё, произошедшее с Дрезденом, покидает мою реальность.

Вскоре я увижу место, где я отыграю своё первое шоу. Мой первый самый настоящий концерт. Сжав телефон крепче, я начинаю писать сообщение Шону. Он единственный, с кем я могу поговорить об этом. Он поймёт, как боль и возбуждение скупают мою плоть изнутри.

«Привет», — пишу я ему. — *«Мы уже скоро приедем. Я сейчас просто описуюсь».*

Нажимаю кнопку, чтобы отправить это, жду в нетерпении. Моё сердце делает удар, затем второй, а потом ещё пятнадцать, прежде чем мой телефон начинает жужжать. Слова Шона отражаются на моём мерцающем экране.

«Привыкай к этому чувству».

Беспомощно улыбаясь, я убираю телефон. Мне нравится думать, что он прав. Я уверена, что хочу, чтобы это было так. *Может ли всё это быть правдой?* Я, Лола Купер, собираюсь выступить на сцене для тысяч людей.

Лицо Дрездена всплывает в моей голове. И в моём сердце тоже; его улыбка и то, как печально звучал его голос, когда мы разговаривали. Он хочет, чтобы я рискнула. Но...

Не каждый риск стоит того.

Просто разглядываю красивый пейзаж, пробегающий снаружи, но этого недостаточно, чтобы избавиться себя от чувства вины. Дрезден что-то сделал, взрастил что-то внутри меня. Частичку, которая хотела, чтобы я пошла на тот риск, о котором он меня просит, послав всё ко всем чертям.

Рукой поглаживаю свой телефон.

Как он может просить меня рискнуть всем, когда я совсем не готова потерять всё это?

Глава 3

Дрезден

Небо снаружи имело бледно-голубой цвет, но я не спал с тех пор, как оно начало трещать как яйцо с ярко-оранжевыми полосами. Спать было довольно трудно, когда такое творилось вокруг. Лола занимала все обрывки снов, что были у меня. Постоянно дразнила меня, хотя и не была рядом. Я хотел схватить её, а потом просыпался в поту.

Когда рассвело, я оставил эти попытки.

Мы должны будем ехать всю ночь. Одев сегодня потёртые рваные джинсы и белый свитер с длинным рукавом, я сел в кресло автобуса и просто... смотрел. Денвер предстал во всей своей красе.

Я никогда раньше не играл в Колорадо.

Однажды, когда я был моложе, я видел, как Wingless Harpies играли в «Филлмор». Я пошёл туда с отцом и вернулся, когда он напился до смерти, но прежде, чем она начал использовать меня в качестве живой мишени, для своей слепой ярости.

Я обхватил низ спины, там полыхала фантомная боль.

Теперь я здесь, играю на сцене. От этого меня должна переполнять гордость. Вместо этого я чувствую тревогу. Я не позволю себе ощущать себя счастливым до того, как шоу пройдёт без сучка и задоринки. Тогда я позволю себе немного расслабиться.

Всё должно пройти идеально. Я наблюдал за Лолой, когда она пробиралась сквозь занавеску вдоль автобуса. Если всё пройдёт так хорошо, как я того желаю, то у неё будет всё, чего бы она ни хотела.

И я начну терять её ещё быстрее.

Увидев меня, она застыла, как если бы я был призраком. Потирая уголок своего носа, я отвернулся. Было ошибкой взять Лолу в группу. Нет, напоминаю я себе самому. Она просто идеальна для группы. Она — то, что нам нужно. Это просто означает, что если позволить ей расцвести, то это унесёт её как одуванчик на ветру.

Если только я не смогу добраться до неё первым. Если смогу обвить её своей рукой, её разлетающиеся ростки — тогда это всё не важно. Она сможет цвести, но я поймаю её прежде, чем она улетит прочь. До того, как она упорхнёт в объятия кого-то другого.

Воспоминание о её вспышке боли, когда я загнал её в вчера в угол, посылает дрожь по всему телу. Я был так близок к тому, чтобы поцеловать её. Я воспротивился только тогда, когда услышал её доводы. Она беспокоилась о группе?

Нет, она беспокоится о себе.

Я хочу, чтобы она увидела, что это стоило того, чтобы пойти на риск, чтобы погрузиться в глубокую яму желаний, падения и соблазна вместе со мной.

Скорее всего, выхода нет. Впиваюсь в сиденье своими пальцами. *Нет.* Я обязательно найду решение.

— Ладно, — кричит водитель, — я подъезжаю к задней стоянке "Филлмор". Охрана должна увести народ с территории, но она довольно-таки открытая, так что будьте начеку.

Перспектива нападения фанатов не пугала меня. Развернувшись, я обнаруживаю, что Лола смотрит на меня. Взмахнув чёрными волосами, она снова смотрит через окно. Не хочу, чтобы фанаты или пресса пугали её. Разумная часть меня знает, что она должна увидеть это, справиться с этим самостоятельно. *Добро пожаловать в рок-звёзды,* цинично думаю я.

Кольт и Портер присоединились к нам, как только автобус припарковался. Было ещё довольно рано, поэтому не думаю, что множество людей будет толпиться рядом с местом проведения концерта. С нетерпением я выбираюсь из автобуса, вдыхая свежий воздух.

Кругом гастрольные автобусы и автомобили: это другие группы и команда шоу. Маленькие кары, принадлежащие «Филлмор», припаркованы на стоянке, в меня ударяет аромат горького кофе и запах машинного масла. Прежде чем я следую за Портером и Кольтом, чтобы чего-нибудь перехватить, появляется Бренда, преграждая нам путь.

— Привет! Вы проснулись, отлично. Мне нужно проверить всё для предстоящего вечера.

— После. — Отодвинув её, я шагаю в сторону маффина, на котором красуется моё имя.

— Мне надо поесть. — Её рука хватается моё плечо. На секунду я задумываюсь о том, чтобы оттолкнуть её. Вместо этого мои ноги задерживаются на цементе. Смотрю на неё одним глазом. — Могу я есть и разговаривать? Я очень талантливый.

Бренда помахала бумажным пакетом перед моим лицом. — Я взяла на себя смелость купить для вас пончики, ребята. Теперь пойдёте со мной?

Остальная часть моей группы, жаждущая еды, столпилась рядом. Кольт делает глубокий вдох, изображая животное. Он даже полаял несколько раз. — Скажи мне, где тебе нужно, чтобы я стоял, я весь во внимании. И мой рот тоже. Блядь, просто дай мне пончик, пожалуйста.

Я сдал переносицу, но это мало чем помогло моей растущей мигрени. — Ладно, ладно. Веди, Бренда.

Она проводит нас через заднюю дверь «Филлмор». Пройдя по узкому коридору, она остановилась около двери с надписью «*Только для персонала*». Там повсюду бегали какие-то люди: одни с планшетами, другие с гарнитурами в ушах, в которые они что-то тихо говорили.

Шоу будет только в пять, но все готовятся, чтобы всё было в порядке.

Уже в комнате Бренда ставит пакет на стол. Портер и Кольт незамедлительно разрывают его. — Присядьте, парни. У меня есть пара деталей для вас, поэтому вам надо сесть и послушать.

Дотянувшись до жирного пончика в глазури из Бостонского крема, я усаживаюсь и поднимаю ноги. Бренда просто бросает на меня взгляд, никак не комментируя. Выпечка охрененно вкусная, сладкая начинка обволакивает мой язык. Я уже наполовину прикончил свой, когда Лола только выбрала обычный в глазури для себя.

Мы едим, пока Бренда покрывает стол бумагами, тыкая пальцем пока говорит. — Я поселила всех вас в Ramada сегодня. Вот ваши ключ-карты, информация о номерах и многое другое. — Раздав твёрдые куски пластика, она смотрит мне прямо в глаза. — Мы выезжаем завтра утром, автобус будет стоять здесь, чтобы сдерживать отель от нападков фанатов. Я отправлю машину. Если что-то понадобится — просто позвоните.

Её тон не ускользнул от меня. Посмотрев на Лолу, я доел свой пончик. *Не беспокойся, я не позволю кому-нибудь приставать к тебе сегодня вечером. Не будет повторения того случая.*

Портер берёт ещё один пончик, роняя крошки. — Во сколько нам надо быть здесь?

— Вы выступаете в семь, так что самое позднее — быть здесь к четырём для проверки звука. — Она улыбается, обращая внимание к Лоле. — Вот, посмотри. Это размещено на сайте «Филлмор», в электронных письмах, на наших персональных сайтах и во всех

социальных медиа, что у нас есть. — Она толкает через стол папку.

Лола смотрит на это с сомнением, поджимая губы. Всё становится ещё хуже, когда она открывает её, открывая то, что внутри. — Твою мать.

И в самом деле, твою ж мать.

Вчерашние фотографии просто ошеломительные. Лола прекрасна, синева её глаз стала ещё более насыщенной. Она стояла перед окном автобуса с опущенными ресницами. Яркие красные губы изогнуты в улыбку с одного края, выражая столько всего. Столько того, что я должен попробовать, чтобы обрести понимание.

Поёрзав на стуле, я борюсь с волной возбуждения. Я должен заполучить копии этих фотографий.

— Ну, — спросила Бренда, — что вы думаете? Хорошо, правда?

Скользнув своими руками по фотографиям, Лола поднимает свой взгляд. — Это не выглядит так, как будто на них я.

Бренда закатывает глаза, забирая папку обратно. — Разумеется на них ты! Просто немного доработанная. Это нормально, все так делают.

С сомнением, Лола приступает ко второй половине своего пончика. — Как скажешь.

Остальная часть собрания была довольно размытой. Я был слишком занят разглядыванием девчонки, которой настолько увлечён. Позволяя Бренде болтать всякую чепуху, я впервые отключаюсь за всё время профессионального пения. Обычно, я стремился к тому, чтобы быть в курсе фактов. Это ограничивало вероятность возникновения проблем.

Я ненавижу проблемы.

Я сидел, скрестив ноги и подёргивая носком своих ботинок. Каждое движение повторяло то, что творилось с моим сердцем. Оно отбивало мелодию песни, которая зарождалась уже два дня. Лола была словами песни. Мне хотелось повторять её имя снова и снова, пока я не завладею ей так же, как и всей своей музыкой.

Вид того, как она сердится, делал со мной то, что мне не нравилось. Я хотел, чтобы все её ощущения были вызваны мною, а не неловкостью из-за Бренды или её участием в группе.

Когда Бренда махнула нам, делая знак уйти, я вышел из оцепенения, с трудом пожав плечами. Портер и Кольт разговаривали о чём-то, что мне было неизвестно.

Наша группа начала продвигаться к выходу. Лола с трудом передвигала ноги, погружённая в свои мысли ещё глубже, чем я. Я хотел стереть эту мрачность, и у меня появилась идея. Я протянул пальцы и схватил её за запястье. — Я хочу показать тебе кое-что.

От моего прикосновения её вены затрепетали. Она застыла на месте. — Что?

Портер и Кольт обернулись, ожидая, что мы последуем за ними. Я коротко кивнул им. — Идите. Я хочу, чтобы Лола заглянула вовнутрь.

Понимание настигло их, и их недоумение превратилось в ухмылку. — Конечно, — сказал Портер. — Ладно, — сказал Кольт. — Тогда увидимся в гостинице. — Когда они повернулись к нам спиной, я потащил Лолу дальше в зал.

Она шла с неохотой, тяжело передвигая ноги. — Заглянуть вовнутрь? Зачем?

Я хотел увидеть её улыбку. Конечно, я не сказал этого. Сжав челюсть, я повёл её вглубь «Филлмор». Коридоры были туннелями, мы были исследователями, а я знал, где было сокровище.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вместе мы вошли в главное помещение здания. Я уже видел сцену раньше. Когда был

ребёнком, мой отец подтолкнул меня к самому верху, чтобы я смог лучше разглядеть группу. Теперь я смотрел на большое помещение, персонал сновал туда и сюда, пока они устанавливали свет и оборудование.

Лола рядом со мной ахнула. Этот звук схватил меня за душу. Я по-прежнему удерживал её запястье и на мгновение я практически переплёл наши пальцы. Отпустив её, я махнул головой. — И как?

Её блестящие губы вытянулись, её ответ был искренним. — Красиво.

Нет. Твоя улыбка — вот, что красиво.

Я мог бы стоять здесь часами.

— Я на самом деле здесь. — Лола говорила шёпотом. Она так же, как и я чувствовала момент всей душой и не хотела нарушать его. — Вечером я буду играть перед тысячами людей.

Посмотрев на её бедро, я увидел, как сжались её руки. — Это тебя пугает?

Когда Лола встретилась со мной взглядом, у меня перехватило дыхание от необузданности в её голубых глазах. — Конечно, да. Разве ты не боишься?

Я не боюсь музыку. *И даже толпу.* Я раздумывал над своим ответом внутри себя. Раньше я боялся только одного. И я не был готов поделиться с ней этим.

Пока нет.

— Когда я первый раз играл на большой сцене, — медленно произнёс я, — мне было очень страшно. Это нормально.

— Ты называешь себя нормальным?

Вздвигнув, я посмотрел вниз на Лолу. Улыбка, которая всё озарила, была невинной и загадочной. Мне пришлось приложить усилия, чтобы не запустить пальцы в её густые волосы прямо там, перед гигантской сценой, на которой мы вскоре будем выступать.

Выступление.

Эта чёртова девчонка заставила меня захотеть придать этому слову совершенно новое значение.

Разрывая притяжение между нами, она посмотрела на огромные лампы над головой. — Это всё будет собрано здесь, да?

Я зацепился пальцами за карманы. — Билеты были распроданы в тот же день, когда было объявлено о концерте.

— Интересно, Шон будет смотреть на меня? — задумчиво произнесла она так, как будто её вопрос был не ко мне.

Как бы мне тоже хотелось смотреть на тебя, стоя в толпе. — Barbed Fire будут открывать шоу сегодня вечером. Он сможет посмотреть на тебя из-за кулис, если будет тусоваться рядом. — Эта мысль была как извивающийся червяк в моём животе. Хотя Лола и Бренда приложили массу усилий, чтобы убедить меня, что Шон Купер не испытывает по отношению ко мне ничего плохого, я не хотел видеть его поблизости. Парень с таким же успехом мог быть Джонни.

Резина шаркала по деревянному, носок её Конверсов ковырял пол. — Слишком много давления на меня.

Сморщив нос, я наклоняю голову. — Если это поможет, то я могу убедиться, что его не будет за кулисами.

Крайнее расстройство наполнило её голос. — Нет-нет! Я хочу, чтобы он был там. Я просто имею ввиду, что это очень важно. Выступление сегодня вечером это... чёрт. — Она

обхватывает своё горло. — Это всё для меня.

Возникла боль в груди от желания притянуть её к себе. Не так давно я сказал то же самое, что и она. Присутствие Лолы, то, как она ворвалась в мою жизнь, изменило некоторые вещи. *Я хочу её для себя.* Она, чёрт побери, лучший гитарист для моей группы, она подходит идеально, а я хочу просто увезти её и спрятать от всего мира. Я не хочу, чтобы толпа видела её так, как это сделал я.

Жадный. Вот какой я.

— Могу я кое-что спросить у тебя? — прохрипела она, покусывая зубами губу. Я бы ответил на любой её вопрос. После моего короткого кивка, она выпаливает. — Кто-нибудь из твоей семьи пришёл на твоё первое выступление?

Я этого не ожидал. — Была моя мама. — От воспоминаний появляется небольшая улыбка.

— Какое-то время она приходила на каждое шоу. — Она приходила даже когда уже не могла слышать. Если бы тогда давно этот ублюдок не покалечил её, она бы всё ещё могла ... *нет.* Я не собираюсь открывать своё сердце. Для того, чтобы быть уязвимым, есть своё время и место. — Почему? Ты хочешь, чтобы твои родители присутствовали здесь? Я уверен, что Бренда смогла бы найти способ, чтобы они вылетели сегодня вечером, если мы скажем ей прямо сейчас.

Я не успел закончить, как Лола покачала головой, волосы прыгали из стороны в сторону. — Нет, нет. Не беспокойся об этом. Они не захотят... — Закрыв рот, она тормозит саму себя.

— Что? — Сгорбившись, я наклоняюсь к ней. — Скажи мне, что они не захотят? Прилететь?

Безжизненные и затуманенные, её глаза стали похожи на матовое стекло. В них была постоянная тоска, которая выражала такую неприкрытую боль, что меня это беспокоило.

— Да. Они ненавидят летать. Мы можем пойти в отель? Я бы хотела привести себя в порядок до вечера.

От меня не ускользнула смена темы разговора. Лола что-то скрывала. — Конечно. Иди за мной. — Выпрямившись, я повёл её обратно по коридору. Эта прогулка была молчаливой. Тягостный страх, нависший так явно, окутал Лолу как тугой жгут. *Что случилось?* Определённо, что-то насчёт её родителей, но...

Мой план состоял в том, чтобы поднять девушке настроение, показав ей сцену. Сейчас, глядя на неё, когда мы вышли на утреннее солнце, у меня было чувство, что я воодушевил её только для того, чтобы уронить её ещё ниже.

Мне просто хотелось знать, что я натворил.

Мы ехали в обыкновенном чёрном автомобиле, тонированные окна скрывали нас от мира. Я даже надел пару тёмных очков, чтобы скрыть свою личность. Это была короткая поездка, отель «Ramada» располагался выше по улице.

Лола не сказала ни слова пока мы ехали, она обхватила руками свои гитару и сумку. Каждый удар её ногтя по твёрдому дереву посылал электрический разряд по моей шее. Она погрузилась с головой во что-то мрачное. Тем не менее, моё тело страдало от голода, жаждало её. Она расстроена, а я хочу просто притянуть её к своему сиденью и выпиться в её пухлую нижнюю губу.

Потираю свой рот, чтобы отогнать эту мысль, я прочищаю горло.

Машина подъехала ко входу отеля. Открыв свою дверь ударом ноги, я смотрю на Лолу.

— Пойдём, давай посмотрим насколько у нас хорошие номера.

Её небольшая улыбка была обнадеживающей. — Не помню, когда последний ночевала в отеле.

— Ты путешествовала с братом, — говорю я, не обращая внимание на водителя, который пытался помочь мне с моей единственной сумкой. — Где же ты тогда ночевала?

Её смешок был резкий и грубоватый. — Когда припрёт, сиденья в автобусе довольно удобные.

Сумка в моей руке стала тяжёлой. Мне никогда не приходилось ночевать на сиденье автобуса. Когда я основал Four and a Half Headstones, мы ездили на местные шоу на своих автомобилях, прежде чем нас не взял агент через несколько месяцев. У нас были деньги, отличный гастрольный автобус и всё, что было нам необходимо для шоу в дороге.

Это было отрезвляющим открытием для меня, осознание того, каким я был счастливчиком. Никогда бы не назвал себя привередливым, но чтобы я делал, если бы Бренда когда-нибудь предложила нам спать на жёстких сиденьях автобуса?

А она спала вот так... даже не знаю, как долго.

Я столько всего не знал о Лоле Купер.

Спокойно идя по направлению к стойке регистрации отеля «Ramada», я боролся с бушевающим меня сомнением. Если я знаю о ней так мало, почему тогда, к чёртовой матери, я так помешан на ней, почему так хочу её? Что влекло меня к девчонке, которую я встретил всего два дня назад?

Лола стояла рядом со мной, её голова была на уровне моего плеча. От кончика её носа до изгиба губ — она была прекрасна. Возможно, это всё поверхностно. *И это простое физическое влечение?*

Будто бы почувствовав, что я оцениваю её, Лола взглянула наверх. На меня с нескрываемым любопытством взирали широко распахнутые безупречные сапфировые глубины. Это убивало и давало мне жизнь одновременно.

Эти чёртовы глаза успокоили меня. Между нами было некое сходство, которое я до сих пор не осознал. Боль и эмоции, кипящие в её глазах, были отражением моих. Мне не нужны были детали, чтобы понять это.

Это было намного больше, чем выглядело на первый взгляд.

— Вам помочь?

Повернувшись, я улыбнулся женщине за стойкой. Она была симпатичной, но измождённой, и слишком тугий пучок не красил её. Вытащив свой ключ-карту, я помахал им, как будто это были деньги. — На самом деле, можете. У нас забронированы комнаты здесь. Я...

— Дрезден Гэлифакс, — выпалила она, прикрыв пальцами свой рот. Я ухмыльнулся ей, пытаюсь найти чёткую грань между поклонницей и профессионалом. — Верно! Ваша комната на седьмом этаже. Если ключ-карта у вас, то можете сразу пойти наверх. — Её щёки порозовели, когда она указала в сторону лифта. Это было восхитительно, но румянец Лолы был гораздо более соблазнительным. — Хм, вам нужна помощь с багажом? Я могу... в смысле, кто-то может...

Махнув рукой, я схватил свою сумку. — Спасибо, но, думаю, что мы сможем справиться с этим. — Я оглянулся на свою спутницу, и волна удивления пробежала по моему позвоночнику. Изящные пальцы Лолы вцепились в ручку чехла её гитары, став цвета

слоновой кости. Каждая чёрточка её лба посылала сообщение.

Ревность. Лола ревновала. Этот факт мне так понравился, я мог бы обнять её прямо там. Я чувствовал то же самое в ту ночь в «Griffin». Как она была взволнована моим флиртом с официанткой, девушкой, имя которой я уже забыл.

Она могла ревновать только из-за того, что эта женщина узнала меня, а не к ней самой. *Не стоит так радоваться.* Это отрезвляло, но в тоже время наталкивало ещё на одну мысль. Выпрямившись в полный рост, я одарил девушку за стойкой регистрации своей самой лучшей улыбкой. Её ореховые глаза были словно под слоем глазури, как и пончики этим утром. — На самом деле, я мог бы воспользоваться вашей помощью в одном деле... — я покосился на имя на её бейджике, — ... Эми. Если это не затруднит?

— Конечно же, нет! — Просияв широкой улыбкой, она провела по своему слишком прилизанному черепу. — Только попросите! Я с удовольствием помогу.

Я указал на багаж Лолы. — Не могли бы вы занести её багаж? — Взгляд Эми проследовал за моим пальцем, теряя интерес. — Она устала после ночной репетиции в автобусе. У нас большое шоу сегодня вечером, поэтому мне надо, чтобы она была настолько отдохнувшей, насколько это возможно.

Нерешительность перетекло в неверие, потом в узнавание. Действуя совершенно непрофессионально, Эми выхватила свой телефон и начала постукивать по нему. Я увидел яркий экран, на экране была загружена страничка Four and a Half Headstones. — О, Боже! Она новый гитарист, да? — Девушка перевела взгляд с Лолы на меня, а потом обратно. — Вы Лола Купер, та, что заменила Джонни Мьюза. О, Боже, простите меня... Я должна была заметить!

Теперь Лола испытывала неловкость, переминаясь с ноги на ногу от такого внимания. — О, хм, всё в порядке. Не беспокойтесь о...

— Я видела фото прошлой ночью, — Эми болтала без умолку, вспышка её телефона ослепила нас. — Все говорили об этом в Твиттере и вообще повсюду! Не могу поверить, что встретила вас! — Она выпучила свои глаза. — Могу я взять ваш автограф?

Я с трудом сдерживал смех. Лола таращилась на меня, мысленно умоляя о помощи. Если проиграешь сейчас, то растеряешь всю славу этим вечером. Бедная девочка была на грани сердечного приступа.

Я собирался спасти её, объяснив, что Лола не может подписывать что-то без разрешения нашего менеджера, когда гитаристка разразилась гордой улыбкой. — Конечно, чтобы вы хотели, чтобы я подписала для вас?

У меня пересохло в горле.

— Здесь, — восторженно произнесла Эми, протягивая буклет «Филлмор». — Просто подпишите здесь, вот это или информативные материалы отеля.

Это эгоизм, но я страстно желал, чтобы Лола нервничала. Но она не делала этого, она нацарапала своё имя и выглядела довольной, мать твою. Моя затея уберечь её от неловкости в руках администратора рассыпалась прямо под звуки их взаимного хихиканья.

Эми схватила глянцевою бумажку. — Это так круто! — Ухмыльнувшись мне, она протянула мне ручку. — Хм, не могли бы вы тоже подписать для меня?

Я был расстроен ходом событий. Но увидев имя Лолы, написанное так, словно цветы закручивались на ветру, приглушил это. Это её самый первый автограф? Несомненно, он был первым в качестве участника моей группы. У Эми была частичка золота. Я могу добавить своё имя, разделяя первый автограф Лолы.

Взяв ручку, я подписал брошюру. Два имени были написаны рядом, практически не соприкасаясь. Это было какой-то аллегорией для нас.

Поцеловав заднюю часть бумаги, Эми дрожала всем телом. — О, Боже! Спасибо вам Хорошо, позвольте мне донести вашу сумку до комнаты.

Наклонившись, я забрал сумку из неготовых к этому пальцев Лолы. — Хотя, пожалуй, я сам возьму её. Но всё равно спасибо.

— О, — моргая, Эми от волнения подёргивала свою блузку. — Ладно. Хорошо. Эм-м, позвоните вниз, если вам что-то понадобится. Всё, что угодно, хорошо?

Я слабо кивнул ей. Подхватив наш с Лолой багаж, я поспешил к лифту. Она что-то мягко ответила Эми, её кроссовки топали, пока она догоняла меня. Извернувшись, она поставила футляр своей гитары на пол, когда двери за нами закрылись.

В этой крохотной коробке, которая вся была в зеркалах, мы были повсюду, она говорила сквозь музыку, которая наигрывала внутри. — Ты в порядке? Ты так быстро убежал.

Мои руки были заняты сумками, поэтому я мог только пожать плечами. — Ничего, просто подумал, что, скорее всего, ты хочешь попасть в свою комнату и отдохнуть перед выступлением.

— Ты сам сказал. — Тон её голоса выражал недоверие. Взъерошив свои волосы, Лола, прищурившись, посмотрела на меня. — Было похоже на то, что что-то не так.

Всё не так. Я не могу решить, чего хочу от тебя, от всего этого, и это для меня как долбанная язва. Обычно мне хотелось смотреть на её милое лицо и чарующие слова. Теперь же я сожалею о том, что куда бы я ни повернулся, везде и повсюду в лифте меня ожидало её отражение. — А что, если вдруг что-то не так? На самом деле, думаю, ты знаешь, что творится у меня в голове.

Мой слух прорезал её вздох. — Дрезден, послушай. Вся та фигня, которая произошла вчера...

Фигня. Она называет это фигнёй, как будто это можно просто так выбросить.

— ... и то, что было перед этим ночью...

Мои пальцы с силой сдавили ручки сумок.

— Это не может случиться, это не должно произойти. Я была серьёзна, когда сказала, что не могу так рисковать, чтобы упустить этот шанс. Быть в этой группе — такое может случить только один раз. — Я видел в зеркале, как она отвернулась. — Шансы в жизни перепадают не так просто, как завтрак. Увидев сегодня эту сцену, я просто... я знаю, что должна быть стойкой и сосредоточенной. Прости.

Её извинения просто... просто... ударили меня, отбросив куда-то в сторону, и подействовали на меня так, как я того сам не ожидал, было хуже, чем удар ножа. Она сказала мне, что я так плох, что не стою такого риска. Всё внутри меня скрутило в тугий узел, затягиваясь до тех пор, пока всё это не заполнило мой разум. Отвращение заглушило все мои обещания. Это задушило все слова и желания, которые были у меня в отношении Лолы Купер.

Нет. Как человек, подвешенный где-то над поверхностью, в паре дюймов от того, чтобы уже утонуть, я поднял голову. *Нет, не так.* В зеркале я увидел свои глаза. Зелёный ядовитый цвет моих глаз, но мой рот хотел отравить всё кругом. Мои губы пульсировали от желания, чтобы расплавить что-нибудь — а точнее кого-то — в этом лифте, под чистую, я сдался.

Сначала Лола не смотрела на меня.

Но звук, падающих из моих рук сумок, изменил это.

Через мгновение я увидел её огромные голубые глаза, смотрящие на меня. Потом я был прижат к ней, мои пальцы поймали её в ловушку напротив жёсткой стены. Изголодавшийся от тех мук, которые преследовали меня с той самой ночи в ванной, я отпустил себя. Губы, которые клеймили её только в моём сознании, сейчас в зоне исследования. Она была моим эпицентром.

Лола была на вкус как карамель, соль и какое-то магическое зелье. Я бы позволил ей отравить себя, если бы мог. Если она не даст мне возможности войти в свою жизнь, то на моём горизонте оставалась только смерть. Как может человек дышать, когда ему отказывают в воздухе?

Мои ноздри пылали от потребности втянуть её запах. Для моего слуха её стон был смесью удивления и восторга. Она желала этого. *Нуждалась в этом.* Её доводы сказали об этом, теперь я знал. Она называла меня риском, но одна она была поглощена сопротивлением.

Я не больший риск, чем она сама. Я зарылся руками в её густые тёмные волны. Мои рёбра в груди просто вопили о том, что им нужен воздух. Не обращая на это внимание, мой рот вдавился в неё с ещё большей силой. Лола обернула свои идеальные руки, свои, мать их, долбаные идеальные руки вокруг моей талии. Это было сплошным афродизиак.

Звон лифта прервал момент.

Прикосновения Лолы стали грубыми, она толкнула меня, чтобы отодвинуть от себя. Я хватал ртом воздух, глаза впились в её сияющие глубины. Её сливочные щёки были охвачены огнём, что нельзя было сказать о её голосе.

— Дрезден, отойди от меня.

Собрав все свои силы, я сделал шаг назад. Мои руки скользнули по её волосам, таким прямым, шелковистым и мягкими. Мы оба тяжело дышали. Я видел ореолы её сосков, напрягшихся под рубашкой. Каждый тугий узелок заводил меня ещё больше.

Взгляд Лолы метнулся вниз. Я знал, что она заметила мой жёсткий стояк, в тот момент мне хотелось, чтобы мои штаны не были такими тонкими.

Она двинулась вперёд, я резко втянул воздух. Когда она просто схватила свою сумку и гитару, медленно выходя через двери, я почувствовал холодные шипы боли. Лола убежала. Взрыв моих эмоций, мои желания изменили отношения между нами к чёртовой матери.

Я наблюдал, как она спотыкаясь идёт по коридору, останавливаясь перед дверью, но ничего не делал. Когда она нащупала свою ключ-карту и вломилась в номер, я ничего не предпринял.

Только когда скрылась с моих глаз, я схватил свою сумку. Выйдя из лифта, места, где витал её запах — и мой- я ступил в тихий коридор. *Я всё испортил. Ужасно.* Мне хотелось смеяться до тех пор, пока не разорвёт моё горло. *Блядь, я всё испортил.*

Повёл себя как подросток. Ей девятнадцать. Я должен был, блядь, помнить про это. Лола оказалась сильнее, чем я думал.

Я сбросил свои карты, мой расклад ей известен.

Порывшись в кармане, я вытащил ключ-карту. Он был от комнаты 704. Подняв голову, я мельком взглянул на комнату, в которую зашла Лола — 705.

Мы были рядом друг с другом.

Тогда я действительно рассмеялся, но этот смех был хуже горькой лимонной кожуры.

Глава 4

Лола

Я не контролировала своё дыхание.

Прислонившись к двери, я прижала ладони к груди, часто дыша.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Дрезден поцеловал меня. Поцеловал меня.

Охренеть.

Потянувшись, я прижала пальцы к губам. Они хранили его вкус: корица и табак. Я должна ненавидеть это, но он был таким экзотичным, от чего в голове стоял туман.

Он, мать твою, поцеловал меня. И что мне теперь делать?

Каждый дюйм моего тела был наэлектризован. Даже на кончиках моих ушей было такое чувство, что кто-то проехался электрическим катком прямо по ним. Волны жара проскакивали от макушки до кончиков пальцев и оседали внизу моего живота так, что мне пришлось сжать бёдра.

Судьба вмешивается каждый раз, как только Дрезден оказывается рядом со мной. Ванная, репетиционный зал, а теперь долбаный лифт.

Он поцеловал меня!

Я не могла выбросить это из головы.

Около моих ног кучей валялись футляр и моя сумка. Я бросила их так неаккуратно, как только спаслась от плавающего меня взгляда Дрездена. То, как он смотрел на меня, когда я его оттолкнула... я сделала ему больно. Я сказала ему, чтобы он отстал от меня. Он не ожидал этого. Пробежал пальцами по своим бровям, я в который раз нервно их пригладила. Ну что ж, всё чертовски плохо! Я сказала ему, что мы не можем, что нам не следует, а у него в любом случае хватило духу попробовать.

Мне нравилось, что он попытался.

И я ненавидела это.

Фуф, чего я ещё хочу? Был ли кто-то ещё в этом мире смущён так же, как и я? Мне следовало бы думать о том, как я буду играть перед тысячами людей сегодня вечером, вместо того, чтобы быть поглощённой своей одержимостью Дрезденом Гэлифаксом. Дрезденом и его бархатистым ртом. Дрезденом и его умелыми пальцами, и обжигающим жаром, и, блядь, мог ли он когда-нибудь целоваться...

Я ударилась о дверь затылком. *Прочь эти мысли! Прочь!*

Они были как клещи, вдавленные и сжимающие мою плоть.

Я желала Дрездена. Хотела его так, как никогда бы и не могла представить. Оставаться девственницей становится всё страшнее для меня самой. Это нормально быть такой разгорячённой, такой оголодавшей из-за кого-то? Я знала, что он будет очень опытным. Парень не мог целоваться, так держать меня, не будучи таковым.

Он был дерзким, делая то, что он проделал в лифте. Дикое пламя в его глазах раздавило мои лёгкие и сожрало все мои силы. Если бы лифт не раскрылся, разрушив чары, я могла бы... *НЕТ!* Сейчас самое время принять душ.

Желательно, холодный.

* * *

Сладкий, дикий, чернее смолы. Чтобы я не услышала, но это вырвало меня из грёз. Это был звук, который я слышала раньше, в то время, когда мне нужно было чувствовать, что кто-то понимает меня. Когда тебе только семнадцать, невозможно почувствовать, что кто-то способен на это.

В моём случае с хулиганами и манящим поцелуем лезвия, всё ещё сложнее.

Распахнув глаза, я вижу белую стену. Всё верно, моя комната в отеле. Душ забрал мои последние силы. Обернув свои густые влажные волосы полотенцем, я рухнула на кровать и лишилась сознания.

Звук появился вновь: слова сквозь стену. Я улавливаю обрывки фраз и цепляюсь за них.
— *Ты борешься со мной,* — пел знакомый голос.

Дрезден. Это пение Дрездена прорывается через штукатурку.

— *Ты вновь загнала меня в угол, и я не могу устоять на ногах...* — Он не кричал свой текст. Это было негромкое бормотание, густой баритон, слегка сдержанный.

«*Он пел для меня*» — была моя первая, перехватывающая дыхание мысль. *Нет. Невозможно.* Он просто репетирует перед вечером. Я села, полотенце слетело с моей головы. Мокрые пряди щекотали мои оголённые плечи, когда я схватила с тумбочки свой телефон. Уже три.

Я так долго спала? *Дерьмо.* Дёргая беспорядок на своей голове, я прониклась мягким бормотанием Дрездена. Даже несмотря на то, что между нами была стена, его музыка окутывала мои лёгкие, проникала мне в душу. Он был связан со мной так, что ему никогда не стоило бы знать об этом.

Моя рука постукивала в такт. Я потёрла свою тату, успокаивая фантомные раны.

— *...ещё одна ночь перед нашим падением. Борись с мной, царапая ногтями и кусая зубами...*

Закрыв глаза, я разрешаю себе попасть под его гипноз. Мне было так там комфортно среди страсти, страха. В своей комнате я была в безопасности. Дрезден не мог видеть или слышать меня и мой отклик. Всё было так, как будто мне опять семнадцать, его текст пробирается в самые глубины моего разума.

Тогда, я бы даже никогда не могла вообразить, что буду говорить с Дрезденом Гэлифаксом. Мои мечты играть в группе были такими оптимистичными. Я знала, что была довольно неплоха в этом, но всё зависело в большой степени от самой индустрии, чем от меня.

Шон был тому доказательством, если оно мне требовалось. Он много лет сражался за то, чтобы оказаться на том месте, где он сейчас есть, и я знала, что это по-прежнему очень невзрачно по сравнению с тем, чего он желал на самом деле.

Тем не менее, если бы я стала такой же знаменитой, как мой брат сейчас, то этого было бы достаточно. А теперь я взлетела выше него. Открыв глаза, я смотрю вниз на свои босые ноги. Он увидит меня сегодня вечером. Он подбодрит меня, будет гордиться мною.

От воспоминаний о том, как я стояла в «Филлмор» с Дрезденом, мой рот кривится от горечи. Очень жаль, что мои родители никогда не смогут прийти. Он предлагал, блядь, чтобы они прилетели. Педлагал привезти их!

Мои родители никогда бы не смогли уверовать в то, что я делаю.

Они ненавидели это с самого начала.

Только Шон был там ради меня. Схватив свой телефон, я начинаю звонить. Гудок проходит несколько раз, после каждого из которых моё настроение падает. Звучит его голосовая почта. — Привет, — шепчу я, боясь, что Дрез может услышать меня в своей комнате. — Хм, я звоню сказать, что не могу дождаться, чтобы увидеть тебя сегодня вечером. Я тоже тебя поддержу, договорились? — Мне хотелось сказать намного больше. Спасибо тебе за то, что двигал меня вперёд.

Спасибо, что был для меня большим родителем, чем настоящие.

— Пока, — одно слово, всё, что я смогла вытянуть из себя. Повесив трубку, я спрятала своё лицо в водопаде собственных волос. Скорее всего, он готовится. Он выступает в пять, тогда я наверняка права. Логика не была до конца поглощена моим угнетённым состоянием. Мне нужно с кем-нибудь поговорить.

— *Ты борешься со мной...* — пел Дрезден, мучая меня. — *И я едва стою на ногах.*

Я энергично растираю свои щёки. В эту игру можно играть вдвоём. Чехол моей гитары с шумом опускается, когда я большими пальцами открываю защёлки на нём. Я тщательно настраиваю гитару, краем уха прислушиваюсь к тому, какую песню начинает петь Дрезден.

— *Сладкая малышка,* — напевал он. Мой пульс отстукивал рваный ритм, жёсткий медиатор, зажатый между пальцев, щекотал струны. За завесой переливов моих струн я слышала, как он стих, как он прервался.

Он не ожидал, что я отвечу ему таким вот образом.

От ухмылки болели щёки.

— *Ты нылаешь.* — Он стал громче, решительнее. Он придвинулся поближе к стене? — *Моя любовь, милая моя, это будет для тебя в последний раз...* — Стоя ровно, я не пропустила ни одной ноты, пока шла к разделяющему нас окрашенному барьеру.

Между нами было одновременно всё и в тоже время ничего, когда мы играли с Дрезденом вместе. *Мы были совершенством.* Нам не надо было видеть друг друга, мы чувствовали ритм и следовали за по его следам. Он вёл меня, но я оставляла следы, чтобы мы вернулись. Когда мы ускорились, то же самое делало и моё сердце.

В его словах было какое-то эхо, как если бы он прижался щекой к стене. — *Ты будешь моей, если я достану тебя с того света.*

Я крепко сжимала зубы, дрожь распространялась по всем моим клеточкам. До этого он пел для себя. Что-то изменилось.

Он пел для меня.

— *Ты будешь моей...*

Сплотнув, несмотря на то, что весь мой язык распух, я сжала колени вместе. Жар вернулся. Он вцепился в меня, это был пар, который нужно было выпустить. Блядь, я была полностью готова для Дрездена. Вот чем было это чувство. Эмоция, которая согнула меня пополам своей волей, которая держала меня в плену так же, как и низкий голос моего вокалиста.

Я представляла, на что это будет похоже, если поцеловать его снова.

Он был таким настойчивым, таким первобытным. Он так хорошо пах, о боже, если я только ещё раз окажусь рядом... Прежде чем сама поняла, что делаю, я прижалась губами к стене. Я знала, что это такая глупость. Если бы кто-то увидел меня, они бы подумали, что я сумасшедшая.

Или жалкая. Но не было никого, кто бы наблюдал за мной. Прямо сейчас, во время нашего музыкального единения, не могло быть никаких стен. Я целовала холодную краску, но от его грубого тона материал вибрировал. Он затронул мои лёгкие, пронёсся вниз по позвоночнику и дальше, от него немели губы.

Я играла окончание «Velvet Lost» с закрытыми глазами. Последние звуки музыки растаяли, как снежинки на моей обжигающей коже.

Я думала о его медовом языке, его угрюмом взгляде. Когда я подняла взгляд, то пустая стена оставила меня в подавленном настроении. Сражаться с Дрезденом было так сложно. Всё, к чёртовой матери, было так сложно.

Как и он сам. Всё, связанное с ним, такое сложное. Как самая настоящая девственница, я покраснела, как свёкла. Я оценила по достоинству то, что была одна.

— Лола.

Вздвогнув, я отскочила от стены. *Вот дерьмо.* Чего ещё я ожидала? — Хэй, — ответила я невразумительно, чувствуя дрожь в своём голосе.

Что-то скользнуло по стене. Не знаю, была ли это его рука или что-то ещё. Мои глаза скользнули к тому месту, которое я целовала, представляя, что он повторял за мной. — Лола, — снова сказал он резко. — Мы должны взять парней и отправиться в «Филлмор»

Я кивнула, зная, что он не может видеть. — Хорошо. Дай мне только переодеться.

— У них там есть одежда для тебя.

Скривив губы, я рассмеялась. — Серьёзно? Отлично. В любом случае, почти вся моя одежда грязная.

Он больше ничего не сказал, поэтому я поспешила влезть в самую чистую одежду, что у меня осталась. Если организаторы — или это было только для Four and a Half Headstones? — собирались меня переодеть, то я не буду беспокоиться.

Я оголила свой затылок, стянув волосы в узел. Меня изнурила эта небольшая импровизация, а не те усилия, что я приложила. Когда он поёт, я чувствую, будто он проскальзывает через мою голову к самому нутру, к моей сущности. От мыслей о том, как сам Дрезден проскальзывает в какую-то часть я становилась влажной.

Длительное время я стояла, положив руку на латунную ручку двери своего номера. Я считала секунды. Каждая из них была очередной частицей жёсткого барьера между мной и Дрезденом. Желание моего сердца успокоиться ни черта не работало.

Побеждённая, я вышла в коридор.

Он ждал меня.

Прислонившись к стене, скрестив колени, пальцами цепляется за джинсы — он напоминал мне ковбоя из вестернов. У него даже была незажжённая сигарета в зубах. Его окутывала завеса из тяжёлого запаха табака. *Он курил в комнате?*

Языком Дрез прижал сигарету к уголку своего рта. — Мне нужно по-быстрому выкурить одну, пока мы не выдвинулись отсюда? Ладно?

Пожав плечами, я прислонила свой футляр к бедру. — Как хочешь.

Он вскинул бровь, но ничего не сказал. Я колебалась, когда он вошёл в лифт.

Зеркальная поверхность продемонстрировала мне моё лицо, лишённое красок. — Идёшь? — спросил он невозмутимо.

Он что притворяется, как будто здесь ничего не произошло? Прикусив язык, я затащила себя вовнутрь. Думаю, это самый лучший способ справиться с этим. Всё по-честному, ведь это я отвергла его. Если всё по-честному, тогда почему мои ладони были такими липкими?

Я знала ответ, и чувствовала к нему отвращение.

Боже, я такая слабая. Я сказала ему отстать от меня, сказала, что между нами ничего не может быть, а сейчас я стою здесь и жалуясь на его долбанное отношение ко мне.

Моя голова раскалывалась.

Дрезден направился прямо к главному входу, когда мы вышли в вестибюле. Было трудно поспевать за ним, у него было преимущество с его длинными ногами. Он едва успел прикурить сигарету, когда перед нами остановилась машина. С заднего сиденья помахали Портер и Кольт.

— Эй! — басист выглядел очень довольным. — Отлично! Мы собирались уезжать, а

потом вернуть за вами двумя машину, но вы оба здесь, так что залезайте.

Кончик сигареты Дрездена пылал ярко-красным, дым валил из его рта. — Сначала мне нужно докурить.

Кольт перегнулся через Портера, дико хмурясь. — Мужик! Не кури нахрен перед тем, как будешь петь! Я сто раз тебе говорил!

Он прав. Это так безответственно. Для человека, который так помешан на том, как звучит его группа, это было неуместно. — Может ты покуришь потом? — спросила я.

Вспышка оказалась настолько яркой, что я отступила. — Прости, ты, блядь, даёшь мне советы грёбанные советы насчёт пения?

— Я только сказала...

— Она только сказала то, что говорим все мы, — прорычал Портер. Высунувшись из машины, он скользнул к сигарете Дрездена. Отступив назад, Дрезден с лёгкостью предотвратил его попытку. — Давай! Просто забирайся в машину, Дрез!

Он показал нам свой затылок, глубоко затягиваясь, его ответ был прост — Отправьте за мной машину. — А потом он ушёл, не оборачиваясь, обходя здание вокруг.

Я сделала один шаг, прежде чем Портер потянулся и нежно обхватил меня. Я не была такой ловкой, как Дрез, чтобы увернуться от него. — Забудь о нём, Лола. Просто поехали.

Бросив взгляд в ту сторону, в которой исчез певец, я нахмурилась. — Разве нам не надо убедиться, что с ним всё в порядке? Что он придёт?

— Он придёт, — Кольт грубо потёр свою бритую голову. — У парня просто иногда бывает хреновое настроение. Боже.

В лучах вечернего солнца глаза Портера выглядели как расплавленный шоколад. — Всё нормально. Помни, о ком мы говорим. Дрезден не откажется от шоу. Никогда.

Мне потребовалось много усилий, но я открыла дверь и забралась внутрь.

Глава 5

Дрезден

К тому времени, когда вернулась пустая машина, моя злость поутихла.

Сам того не осознавая, я скурил три сигареты. Я не задумывался, что так много курил в последнее время.

Все меня достают. Говорят, что мне делать, и чего не делать... Посмотрев в окно, я увидел, что тротуары заполнены людьми. Шоу должно было начаться уже совсем скоро, фанаты собирались в толпу около «Филлмор».

Мое дыхание окутало туманом стекло. Как бы со стороны, я наблюдал за тем, как прижимаю палец и вырисовываю одну единственную букву:

Л.

Лола Купер. Лола, черт тебя побери, Купер.

Мне было тоскливо в гостиничном номере. Пение уже было просто привычкой, которая разогревала мои голосовые связки и оставляло чем-то занятым. Песни, которые я пел, были под мое настроение, они были такой же непокорной вещью, которая не могла меня удержать от борьбы с девчонкой, которую я так жаждал.

А потом появились первые аккорды гитары.

Из-за них я утратил свой дар речи. Только на мгновение, но для меня это было целой вечностью. Лола слышала меня и в ответ она присоединилась ко мне вместе со своей музыкой. Это было просто восхитительно, переплетение наших песен, разделенных всего

лишь стеной между нами.

Всегда стены. Всегда какие-нибудь преграды.

Я хотел ломать каждую долбанную стену голыми руками.

Мне придется найти выход.

Охрана провела меня через заднюю часть здания, по коридорам все больше заполненными движущимися телами людей, больше, чем когда-либо. Я слышал музыку и знал, что Портер и Кольт занимались проверкой звука. На большой арене мой взгляд упал на остальную часть моей группы.

Лола была занята своей гитарой, не замечая, что я смотрю на нее. В помещении наряду с другими группами, также находились и VIP-фанаты.

На мое плечо опустилась чья-то рука. — Дрезден! Вот ты где. — Фыркнула Бренда, сдувая волосы с глаз. — Ты практически пропустил саунд-чек.

— Практически, — согласился я. Теперь все меня увидели. Я сверкнул ленивой улыбкой. — Простите. Я здесь, давайте сделаем это.

Выражения лиц, обращенных ко мне, были самыми разнообразными. Слюнявые фанаты это одно, но был еще и ничего не выражающий взгляд Шона Купера, который застал меня врасплох. До этого во время тура у других групп едва ли хватало времени на то, чтобы проверить звук. Тот факт, что именно мы были хедлайнерами, означал, что мы всегда были на первом месте.

Группы, которые открывали выступление, такие как Barbed Fire, очень редко получали саунд-чек.

Так почему он здесь? Я посмотрел на Лолу. Из-за неё, да?

Забравшись на сцену, я быстрым движением хлопнул руки Портера и Кольта. — Извиняюсь за то, что было. Мне просто было нужно немного личного пространства.

— Эй, все нормально, мужик, — Кольт подбросил свою палочку. — Давай, сделаем это.

Схватив микрофон, я прошел мимо Лолы. Я не знал, что сказать, поэтому даже и не пытался.

Я задался вопросом, изменится ли это когда-нибудь.

* * *

«Филлмор» был наполнен до отказа, люди стояли вплотную друг к другу. Они толкались, кричали и умоляли продолжать шоу. Открывающее выступление Barbed Fire было сильным.

Я наблюдал из-за кулис.

Шон Купер отлично играл на своей гитаре. Он просто рвал ее на части, как того, кого бы хотел покалечить. Парень был хорош, лучше, чем два года назад. Слушая его звук, его манеру, я знал, что Лола научилась у него.

Мой рот порочно искривился от осознания одного факта — Лола была лучше.

Интересно, знает ли это он сам. Глядя на его широкую спину, на то, как содрогаются его плечи от напряжения, я подавил злую усмешку. Если он до сих пор не знает, но ему станет все известно сегодня вечером.

Я должен был воздать группе должное. Они хорошо открыли выступление, настроив толпу на правильную волну. Вокалист, парень по имени Томас, поприветствовал всех. Он сказал то, что было оговорено контрактом, перечисляя группы, которые выступали. В особенности выделяя меня и Four and a Half Headstones.

Стоя поодаль, я не думал, что кто-то увидит меня. Вежливое покашливание доказало

мне, что я был неправ. Повернувшись, я посмотрел на брюнетку. Команда одела ее во все темное: обтягивающие джинсы-скинни и топ, туго обтягивающий ее грудь. Это было похоже на то, что было на фотографиях, которые были сделаны для рекламной акции.

Явно, что это было сделано преднамеренно.

— Привет, — произнесла Лола громко, музыка заглушала ее. Она пинала пол своим слишком высоким ботинком. Он вообще может в них ходить? Взгляд голубых глаз покинул меня, как обычно оставив после себя во мне пустоту. Она смотрела на ярко освещенную сцену.

Я знал, зачем она была здесь. Наклонившись, я проговорил ей прямо в ухо, то, как она с трудом могла дышать, взволновало меня. — На самом деле, они играют очень хорошо.

Нос Лолы практически касался моего. — Они всегда играют хорошо! Ты был с ними в турне, разве раньше ты не слышал их?

Вспышка жара охватила мою шею. Я не слышал Barbed Fire. Обычно, я проводил саундчек, а потом уходил до тех пор, пока не подходило время моего выступления. Остальные группы были просто невнятным шумом на заднем плане. Мне следовало быть более внимательным. Мне было все равно.

Единственная группа, которая должна быть на вершине — моя.

— Конечно, — быстро ответил я. — Слышал. Я хочу подышать воздухом, мы выходим после следующей группы. Хочешь выйти?

Отбросив назад свои густые кудри, она с тоской посмотрела на сцену. У Barbed Fire была еще одна песня; я знал ее ответ еще прежде, чем она его озвучила. — Пока нет.

Обрушился звук барабанов, заглушая мои слова. — Ты слышала их миллион раз. Зачем тебе стоять здесь снова?

Ее губы сковал хрустящий мороз. Они стали неподвижными и хмурыми. — Потому что я хочу быть здесь.

Без всяких возражений, я пожал плечами. — Хорошо. — Мои пальцы коснулись пустой пачки сигарет. — Это хорошо. Я просто... Хорошо. — Любой малейший отказ со стороны Лолы сводил меня с ума.

Обойдя ее, я поспешил к боковой двери. Она вела в небольшой огороженный внутренний дворик. Пока группа была на сцене — там было пусто. Персонал был слишком занят тем, чтобы быть уверенными, что все в рабочем состоянии, вместо того, чтобы сделать перерыв.

Опустившись на холодную землю, я поджал губы. У меня перехватило дыхание, это последний момент, когда я мог покурить. Надо было оставить одну сигарету. Блядь. Я слишком много курю. Лола была моей новой зависимостью, и, когда она не достаивала меня своей милости, оставался только табак.

Но и это слишком меркло рядом с ней.

Взъерошив волосы, приводя в порядок свою голову, я сглотнул.

Я сказал Лоле до этого, что больше не испытываю страха перед выступлениями. Хотя, я хотел бы испытать это. Почувствовать все, что угодно, кроме жажды к женщине, сопротивление которой было просто превосходным.

Потирая лоб, я уставился на горящее оранжевое небо. Ранняя луна висела в уголке. Смех, вылетевший из меня, был пугающим. Что это за черт? Что мне делать со всем этим гребанным зудом?

Я бы оторвал свою плоть от костей, если бы это помогло мне почувствовать себя снова

нормальным.

Сквозь толстые стены было слышно, что музыка стихла. Ее заменили ликующие возгласы — Barbed Fire закончили свое выступление. Это означало, что Лола будет праздновать со своим братом.

Возможно, после того, как мы отыграем, она будет праздновать со мной.

Эта мысль была просто отравой. Она взволновала меня, дала мне надежду, которую было так опасно иметь. Через короткий промежуток времени все увидят ее. Они будут наслаждаться долбанной музыкой, которую делает Лола Купер.

Весь мир захочет праздновать с ней после. Что делает меня более особенным? Прикрыв глаза, я подумал о лифте. А потом о том частном шоу, что мы отыграли вслепую сквозь стены нашего отеля.

К своему стыду, в тот момент, когда я взывал к ней, я уперся своим лбом в прохладную штукатурку. Я воображал, как касаюсь ее, ломаю стену и прижимаю ее к себе.

Я потерпел поражение. Я выгнал Джонни, чтобы он не утянул за собой всех нас.

Теперь меня втянули в этот чертов ад вместе с этой гребанной женщиной.

Вдохнув полной грудью, я поднялся на ноги.

У меня еще один шанс, прежде чем кто-нибудь еще увидит эту чудесную девочку, какой она и была, и попытается украсть ее из моих рук.

Сегодня вечером первое шоу Лолы. Она будет взволнована — нет — она будет просто в экстазе от всего этого. В своей голове я видел ее горящие щеки и мерцающие глаза.

В пылу ее радости и гордости, я мог бы стать... именно там был мой шанс.

Моя последняя возможность.

Сегодня вечером должна быть вечеринка после выступления.

Толпа требовала крови.

К счастью, я был готов опустошить свои артерии.

Все, кто находился в «Филлмор», были на пике. Они ждали нас — Four and a Half Headstones.

И, мы на месте.

Мы все поднимаемся на сцену, и крики становятся с каждым разом все безумнее, требовательнее. Они знают нас в лицо и по имени. Лола больше не будет обделена в этом.

Глядя на океан размытых лиц, я искал признаки, указывающие на ее имя. Это были наши фанаты, и они были готовы осудить нас.

Вспышка беспокойства замедлила ход моего сердца.

Если Лола плохо отыграет, они не будут добры.

Она стояла в стороне, держа наготове свою гитару Stratocaster. Это было ее оружием- оно ей понадобится. Лола посмотрела на меня- это был немой крик о поддержке. Я хотел дать ей это, но все, что я мог сделать — это улыбнуться с уверенностью, которую я так пытался призвать.

Я хотел, чтобы мы порадовали наших фанатов. Я не хотел, чтобы Лола потеряла их любовь.

Это было тем, на что я... только я... чувствовал, что мог предъявить права.

Подождите, вот дерьмо. Любовь? Я в самом деле это так назвал... стоп. Сосредоточься. Я схватил микрофон, сжимая его так, как будто это был мой мозг. Сейчас совсем не время.

Ты должен сконцентрироваться на шоу.

— Привет, Денвер, — я прижал микрофон к губам, мой голос был сладким и бархатистым. Как я и ожидал, толпа взорвалась ревом. Это была чистая энергия, наркотик, который управлял моими артериями.

Мне нужно было больше.

— Знаете, — сказал я, проходя вдоль широкой сцены. — Мы впервые играем в «Филлмор». — Еще больше шума, я ждал, пока они успокоятся. — Но я здесь не впервые. — Звук любопытства и волнения прокатывается по этому морю.

Это было именно то, чего я хотел.

Повернувшись, я увидел, что Лола смотрит на меня. Я никогда не видел, чтобы ее глаза были такими большими. — Я приходил сюда, когда был ребенком. И знаете, о чем я тогда думал? Все, о чем я мог думать тогда, это то, что, возможно, когда-нибудь я буду здесь. — Мой взгляд блуждал по арене. — Может быть, я смогу сыграть. — Один, два — я даю им сделать вдох. Напряженное терпение было ошеломляющим, но это не было моим первым выступлением.

Время было всем.

Я покачал головой. — Итак. Я здесь. Думаю, настало время сделать то, ради чего я мечтал сюда вернуться... — С широкой улыбкой, которая обнажала все мои зубы, я подмигнул. — Чтобы поставить это гребанное место на колени.

Вот оно. Толпа была настроена.

На нетронутом холсте сцены — моей сцены — звук барабанов сигнализировал, что шоу начинается. Кольт заряжал воздух для нашего искусства, заглушая аудиторию своим грохотом. У меня во рту был вкус, будто адреналин перемешался со сладкой ватой — все трепетало.

Музыка — моя первая любовь. Лола стояла наготове, поглаживая струны. Вот это заменит ту пустоту, что она создала. Она улыбнулась мне, она мне, блядь, улыбнулась...

И я знал, что это не было правдой.

Я взревел в микрофон так, как только мог человек, разлетевшийся на части. Я собрал все свои эмоции — хрупкие и страшные одновременно. Оказавшись под моим звуком, мир просто рухнет. Я пировал и танцевал в пепле.

Но, подобно стеклу, сталкивающимся с чем-то твердым, это будет моей гибелью.

Исполняя слова песни Tuesday Left Behind, мы показывали толпе, кем мы были на самом деле. Four and a Half Headstones изменились после того, как мы потеряли Джонни Мьюза. Мы звучали лучше, чем несколько месяцев назад.

Мы должны были выгнать его раньше.

Если бы я сделал это, встретил бы я когда-нибудь Лолу Купер?

Она ударила по струнам гитары, вызывая звуки, которые выворачивали меня наизнанку. Люди чувствовали это — они стали ничем иным, как ртами, наполненными зубами и просящими еще больше. Они не будут разрывать ее на части. Они знают. Они все, мать их, знают, что я делал.

Лола была чертовски потрясающей.

Сегодня ночью, просто продержаться до ночи. Я не уступлю ее им. Я не вынесу этого.

Все песни для меня слились воедино. Они являли собой путеводитель, который вел слушателей сквозь мир дыма, угля и ржавчины. Они вкушали нашу религию, наслаждаясь каждым словом песни так, как будто я писал это специально для каждого из них. Когда мы подошли к нашей последней песне, я задышался. Пот превратил мою кожу в бронзу —

блестящую и обновленную.

Сзади моя рубашка была насквозь мокрой. И перед тоже. Взгляды всех девушек с первого ряда говорили все сами за себя. — Послушайте, — прошептал я в микрофон. Я стал громче, привлекая их внимание. — Это наша последняя песня. — Я подождал, пока не иссякли расстроенные возгласы. — Это моя любимая. Может, и ваша тоже.

Портер и Кольт исторгли первые ноты, которые предвещали No More Stars.

Купаясь в восторгах, я пересекал сцену. Лола встретила мой взгляд. Она светилась, скривив губы. Все в ее лице, в ее образе, заставляло меня думать о сексе. Я хотел схватить ее, поцеловать ее еще жестче, чем это было в лифте.

Притяжение между нами притягивало нас. Я видел, как куда-то упала ее радость. Она не разозлилась. Это не была холодная стена отрицания. От жара силы, движущей нас, музыка тонула в душе нас обоих...

Лола дрожала от похоти.

Блядь. Долбаный ад.

Наполняя свой голос этой ненасытной потребностью, я во все горло пел слова No More Stars. Она последовала за мной, неистово перебирая свои струны. Ничто не могло остановить нас — ни одного из нас.

Four and a Half Headstones были единым целым.

Когда у меня будет Лола...

Я тоже буду цельным.

Глава 6

Лола

Я никогда не чувствовала себя такой живой.

Пот сбегал вниз по моей груди, задняя сторона моих коленей была натянута, словно резина. Я думала, если я попытаюсь, то смогу просто прыгнуть вверх и уже не вернуться обратно.

Это было всем- это была музыка.

Смех, плач, абсолютно ничего не имело значения, ничего не могло предотвратить этого. Я была сплошным пучком нервов, готовым взорваться. Или, возможно, я уже взорвалась. У меня звенело в ушах, мой разум, который представлял собой бочонок пороха, оставил лишь какие-то обрывки, которые заполнили мою голову одним лишь словом.

Рок-звезда.

Я была грёбанной рок-звездой.

Стоя за кулисами или в толпе во время шоу, я думала, что знаю, на что это будет похоже, когда я играла бы перед большим количеством людей. Я только думала, что я знаю. Я не имела даже отдаленного представления ЧТО это такое.

Дрезден расхаживал перед ними, он двигался стремительно, высоко подпрыгивал вверх и громко кричал. Вены вздулись на его горле. Его предплечья становились рельефными и подрагивали, когда он сжимал в тисках микрофон. В своей стихии он был прекраснее, чем когда-либо.

Я по-прежнему беспокоилась, что буду неуклюжей. Что-то изменилось: дух сосредоточения его голоса не был обращен на меня. Я находилась там, стоя позади, и была избавлена от его воздействия.

Толпа принимала каждый удар.

Финальные ноты «No More Stars» медленно растворялись в моем слухе. Нет, еще рано. Я еще не закончила. Поддавшись своим желанием, я провела по струнам и продолжила мелодию. Это было импровизацией, но фанаты требовали еще. Кольт и Портер рядом со мной затихли. Неожиданно... я исполняла гитарное соло.

Я встретила взгляд Дрездена. Как в тот день на прослушивании, я чувствовала его притяжение. Этот человек выворачивал меня наизнанку. Он проникал в мою сущность одним лишь взглядом. Дрездену не надо было что-то, чтобы коснуться той части внутри меня.

Едва удерживаясь в своих виниловых ботинках, я выпустила гитару из рук — она повисла на ремне.

Мертвую тишину зала «Филлмор» поглотила черная дыра. Казалось, что каждый человек делает столько шума, сколько он только бы способен произвести.

Он требовали исполнить на бис, но кто-то выводил меня со сцены. Совершенно не думая, я вырвала свою руку. Я не хотела никуда уходить! Это место было моим домом, моей жизнью, и каждый частичка меня требовала, чтобы я не отпускала это поклонение культу...

— Лола, — сказал Шон, сверкая зубами. — Лола! Твою мать! Ты была просто потрясающей!

Я толкнула его назад своими объятиями. Вместе мы, спотыкаясь, зашли за кулисы, подальше от ослепляющего света. — Шон! О, Боже, Шон! Ты видел это?

Мы прыгали, беспорядочный шум голосов охватил все здание, наполнив его возбуждением. То, что говорили мы — не имело значения. Только наши чувства имели значение.

Обхватив меня за плечи, он встряхнул меня так, что зубы попадали друг на друга. — Как тебе удалось это настолько великолепно?

Ощущая себя такой дерзкой, я позволила себе ухмыльнуться. — Я всегда была такой великолепной.

Шон нахмурился. Мое нутро подсказало мне, что я все испортила, пока не заметила, что он смотрит мимо меня. Обернувшись, я отошла в сторону и увидела Дрездена на расстоянии вытянутой руки. — Она действительно хороша, — сказал вокалист. Он протянул руку моему брату. — Давно не виделись.

— Ну, — Шон сцепил свои пальцы, отвечая на рукопожатие. — Не совсем. Я видел тебя неоднократно.

Натянутая улыбка Дреза расстроила меня. — Этот тур был очень напряженным для меня, прости.

Мне было некогда беспокоиться о напряжении. Начала собираться толпа, Бренда вела Портера и Кольта к нам. — Отлично поработали сегодня, парни, — сказала она. Она просияла, глядя на меня, а потом заметила моего брата. — Особенно, ты Лола. Шон! Привет, отличное открытие шоу.

— Спасибо. — Теряя свое ухо, он посмотрел на всех нас. — Нужно собраться. Лола, я и парни собираемся в местечко вниз по улице. Я напишу тебе, если ты захочешь показаться на вечеринке, ладно?

— Конечно. Звучит неплохо. — Я снова улыбалась. Я не могла сдерживать свой восторг. Он продолжал возрастать, четкие изображения того, что я только что там сделала. — И спасибо, Шон.

Он отступил назад, шевеля пальцами. — За что?

Что был там для меня, что подталкивал меня. — Просто... за все. — Он закатил глаза, прежде чем поторопиться уйти прочь.

Бренда обхватила свои бедра, ее волосы подпрыгнули вверх. — И по поводу вечеринки. Вам парни лучше быть готовыми забраться в автобус завтра.

— Я буду в порядке, — сказал Портере, крепко толкая меня локтем. — Не могу отвечать за новичков, однако.

Смеясь, я слегка толкнула здоровяка. — А я вам говорила, что эта вечеринка для меня не первая.

— С нами — первая. — Барабанщик сцепил наши руки вместе, пока Портер подталкивал меня вперед. Для этих двоих не составило труда дотолкать меня до заднего выхода. — Пойдем! Машина подвезет нас немного дальше по улице, клуб должен быть потрясающим!

Дрезден следовал за нами, как ищейка, которая шла по моему следу. — Подождите. — Я уперлась каблуками, царапая пол. — Подождите, подождите! Вы идете туда же, куда и Шон со своей группой?

Они отпустили меня, никто из них не хотел встречаться со мной взглядом. — Он может появиться, — пробормотал Портер.

— Может? — Морщинки залегли на моей переносице. — Они будут тусоваться в другом месте, потому что они и не ждут, что смогут попасть в тот клуб, не так ли? — Я не ждала пока они заговорят, их глаза метались по сторонам, проскальзывая по мне, как будто я была из масла. — Если он или кто-то из группы появится, то лучше их пустить внутрь.

Чья-то рука опустилась на мою голову. *Дрезден.* — Успокойся. Я дам знать службе безопасности, что они могут зайти. Так справедливо, ребенок?

Ребенок. Мое сердце просто распирало от звука имени, которым он перестал меня так быстро называть. Я сказала ему не делать этого, вот причина. Я сказала, что не была чертовым ребенком. Тысячи мелких иголок поскакали вверх по моим рукам. А потом он спросил меня... он спросил меня, что я делаю с ним. Каждый дюйм моего тела становился горячее, от воспоминаний о произошедшем в той ванной.

Прочистив горло, я была первой, кто вырвался на свежий воздух. Вокруг все было наполнено криками, вспышками и людьми в черном, которые держали в страхе всю эту толпу.

— Парни, вы сказали, что хотели мне показать «настоящую» вечеринку. — Мой взгляд через плечо на остальную часть группы был настоящим вызовом. — Ну? Тогда покажите мне, что это такое быть участником группы Four and a Half Headstones.

Я была более чем готова узнать это.

* * *

Внутри клуба было нечем дышать. Это было место, сплошь состоящее из жара людских тел и сиреневого огня. Но это никого не волновало — все были готовы задохнуться, если это значило, что они могут оказаться рядом со звездой.

Рядом с нами.

Рядом со мной.

Грохочущая музыка наполнила меня до кончиков волос. Она заставляла меня танцевать, но алкоголь был тем, что давало мне чувство свободы. Никого не волновало, что я несовершеннолетняя, никто бы не посмел выгнать меня. Я сказала парням, что была раньше на таких вечеринках. Однако, меня раздражало, насколько они оказались правы. Вечеринки

Barbed Fire были просто ничто по сравнению с этим.

В заполненном до отказа клубе было душно. Безликие тела окружили меня, превращая в гамбургер своими резкими движениями. Опрокинув свой третий — четвертый? — ром с колой, я закрываю глаза и вливаюсь в это море.

Бум. Бум. Бум. Ритм сотрясает мое сердце.

А это весело проводить время вот так. Мои виски стянуло от шума. *Алкоголь*, я выпила слишком много. Что-то толкнуло меня: нога или бедро. Мне надо было остановиться, мне нужен воздух. Мне нужен свежий воздух!

Незнакомые пальцы обхватили меня за талию. Я не знала его, его лицо было цвета аметиста в лучах света. — Привет, — прохрипел он, под его глазами залегли темные тени. — Я тебя знаю, ты — Лола.

— Ага. — Одна моя рука была занята напитком, а второй я пыталась освободиться. Парень, кем бы нахрен он ни был, был против этого.

Он притянул меня ближе, запах его кислого дыхания наполнил мой нос. — Ты была просто потрясной. — Его нос коснулся моего лба, приносясь к моим волосам. — Давай же, пойдём потанцуем, детка. — Слишком быстро его пальцы, словно гигантские пауки, пробежали по моим ребрам.

Ни при каких условиях этого не должно произойти. Мудак расплылся в широкой улыбке, взрыв из льда и рома погасил ее. Я уронила стакан, но "грохот" пластика не достиг моих ушей сквозь музыку.

Не веря своим глазам, он вытер лицо. Его взгляд был наполнен яростью. — Ты чертова сука!

Какая-то часть меня хотела, чтобы он попытался сделать что-нибудь. Мой мозг был полон отвращения к той ночи, когда охранники с такой легкостью швырнули меня на землю.

Я больше не жертва, те дни остались в прошлом.

Он не сделал ни шагу, его взгляд поднялся вверх, куда-то за мое плечо. В забавном освещении клуба Дрезден бы фиолетовым демоном. Я бы назвала его ангелом, но мне не нужен был спаситель. И, думая показать это, я покосилась на его жесткую челюсть и светлые глаза.

— Какие-то проблемы? — Он смотрел на меня, однако явно разговаривал с тем парнем, промокшим от моего напитка. Безымянный говнюк знал того, кто был моим "героем". Если он узнал меня, то Дрездена Гэлифакса подавно.

Мудак потер свою щеку, его было едва слышно сквозь музыку. — Никаких проблем. Забудь. — Он скрылся в толпе, став еще одним извивающимся телом.

Меня посетила смешная мысль о приглашенной массовке. Я не могла присоединиться к ней, Дрезден не отводил от меня свой взгляд. — Не я начала это, — сказала я, ожидая, что он сорвется. — И я могла бы сама с этим справиться.

— Мокрое пятно на его рубашке говорит о том, что это была ты. — Склонил свою голову словно ястреб, он улыбнулся одним уголком своего рта. — Если я подойду ближе, ты сделаешь со мной тоже самое?

Соль и табак наполнили мой нос, заменяя неприятный запах незнакомца. — Тебе сначала придется принести мне напиток. — Дрезден, рассмеявшись, откинул голову назад. Это хорошо, если он считал это забавным. Честно говоря, я не знала, что бы делала, если бы он подошел ближе.

Его зеленые глаза превратились в черный дым. — А если я вообще не позволю тебе

пить?

— Ты думаешь, что мне уже достаточно. — Это было утверждением. Я была наполовину пьяна, но еще не окончательно. Все было расплывчатым и забавным, и моя голова могла уплыть куда-нибудь подальше. Но я не была вдрызг пьяной, я держалась на ногах. Я знала, когда разные придурки начинали представлять интерес.

Возможно.

Дрезден не придурок. Я пробежала взглядом по его торсу, когда он был в этой узкой майке их хлопка — он надел чистую после концерта. Скорее всего, придурок — это я.

Вокалист был спокоен. Мы стояли там, прямо в эпицентре боевых действий, кулаки и колени летали вокруг нас. Каким-то чудом нас никто не трогал. Всегда он и я, нам удавалось убежать в каком-то мыльном пузыре, который никто не посмел бы разрушить. Что чувствовали остальные вокруг нас? Что держало их в страхе?

Его пальцы скользнули по внутренней стороне моего запястья, прежде чем я подумала остановить его. К тому времени было уже поздно. — Дело не в этом. Ты можешь пить столько, сколько захочешь. Просто трудно танцевать со стаканом в руке.

От жары его лицо мерцало как звезды, на которые мне хотелось смотреть вечно и исчезнуть в его вселенной. Было так легко просто поддаться ему. Если бы я окунулась с головой, я бы вечно плыла по течению и не возвращалась.

— Ты хочешь танцевать со мной, когда каждая девушка из кожи вон лезет, чтобы привлечь твоё внимание?

— Почему это должно иметь значение? — Он дернул меня, притягивая к своей груди. — Я хочу больше времени проводить с тобой.

Больше? Музыка пробегала сквозь меня, уговаривая сдаться. — Последние два дня мы провели в одном автобусе, потом вечером отыграли концерт. Как там может быть еще больше времени на совместное времяпрепровождение?

— Независимо от того, я найду это время. — Рука Дрездена вцепилась в мою. Эта боль была прекрасна, она молила меня сломить себя саму ради него. — Думаю, я буду просто тратить меньше времени на то, чтобы дышать.

Мой страх предостерегал меня приближаться к нему, если бы наши тела соприкоснулись, мы оба сгорели дотла. Но было ли это худшим выходом? Я пыталась обнаружить свой язык, чтобы увлажнить его в пересохшем рту. Больше ничего не поддавалось моему контролю. Каждая частичка меня желала поддаться той боли, которую рождал Дрезден. — Задохнуться из-за меня — это звучит забавно. — В какой момент мои бедра начали покачиваться в такт? — Нормальные люди всего лишь сокращают то, что могут позволить себе попридержать.

Он провел по моему плечу, повторяя контур моего рукава. — Дай мне совет.

Осмелев, я потянулась за ним. Его ноздри расширились. Всплеск удовольствия, который я получила, удивив его... это было волнующе. Особенно, когда я захватила его задний карман, пачка сигарет смялась. Это было в миллиметре от того, чтобы расцениваться как тисканье задницы.

Выражение лица Дрездена помрачнело. — Вот, — мягко сказала я. Мы были достаточно близко друг к другу, чтобы музыка не перебивала меня. — Как насчет того, чтобы курить поменьше? Сегодня днем, все то время, которое ты потратил, когда сбежал...

— Я знаю. — Его ладонь накрыла мои пальцы, ухватившиеся за его карман. — Просто

это то, что я делаю, когда нервничаю.

Он говорил мне, что не боится перед выступлениями. Все внутри меня пылало от осознания того, что только одна вещь имела смысл. — Тогда почему бы тебе просто не бросить курить?

Его пальцы сжались еще крепче, я боялась, что он оставит свои отпечатки пальцев.

— Бросить какую-то зависимость — это просто взрыв мозга. — В его молчании была какая-то недосказанность. Глядя на меня вот с таким опасной темной жаждой, он нагнулся вперед. От его шепота мои легкие сжались. — Если ты станешь моей зависимостью?

Я столько всего хотела сказать.

Плохо, что он просто лишил меня их всех разом.

Я все еще пыталась сказать ему "нет". Мой рот говорил одно, в то время как остальная часть меня наслаждалась предательством. Мне следовало столько всего сделать. Ничего из этого не принесло бы мне пользы.

Сблизься с ним. Шон был единственным, кто сказал мне это. Мой брат всегда был голосом разума. Он бы ни за что не сказал мне стать ближе к Дрездену Гэлифаксу таким образом.

Если продолжить в том же духе, я бы уступила и сломалась.

Думаю, это уже произошло.

Мы начали покачиваться вместе. Я не сопротивлялась, когда он отпустил мою руку, я оставила ее на его заднице. Во мне все вибрировало, в нас все вибрировало. Это было за пределами ритмичной музыки.

Мы танцевали не как незнакомцы. Я ожидала больше ошибок, больше путаницы. Дрезден удерживал меня за поясницу, принуждая меня вращать бедрами. До этого мне нужен был воздух. Теперь меня просто переполняло. Я была воздушным шаром, желающим, чтобы Дрезден взорвал его.

Как могло хрупкое существо внутри меня выстоять против его необузданного желания?

Обняв меня за талию, он прижался тазом — своим членом — ко мне. От жесткого давления его эрекции стон сорвался моих губ. Это было так соблазнительно, мои колени таяли словно мороженое. Даже сквозь свои штаны я чувствовала влажность между своих бедер.

Мои ребра вдавливались в него, прижимаясь к каждой долбанной мышце, что у него была... а их у него было много. То сопротивление, что оставалось у меня, упорхнуло прочь. Я боролась против врага, с которым никогда не встречалась на самом деле. Я была здесь, абсолютно незащищенная в руках человека, которого прославляла многие годы. Он танцевал со мной, он желал меня.

Я не могла вспомнить, почему отвергала его

Его губы нашли мои. Я удерживала его там, обхватив руками его мощную шею, чтобы он не двигался. Я пробовала свой вкус — сладость рома. А в конце — его сильный аромат. Он занял свое место у меня в голове, поселив там ненасытную жажду к нему.

Ничего уже не будет между нами так, как раньше.

Когда меня перестало это беспокоить?

Лифт назойливо звенел.

Дрезден вжал меня в зеркало, удерживая мой подбородок, чтобы заняться моей шеей. Я не помню, как попала в отель. Была только туманная дымка из фиолетовых огней, бодрящий

воздух и шуршание шин. Часть меня знала, что мы только что забрались в машину. Все остальное заполнили зубы и жадные языки.

Он целовался лучше, чем кто-либо мог — должен был — был способен на это. В последний раз в это лифте мы были сегодня утром. Тогда, когда он отодвинул меня к стене и попытался убедить меня дать ему шанс... Я почти сделала это.

Адреналин, это ли мое поражение? Выступая пред тысячами, окунаясь в мир, где я могла иметь все, что мне захочется... должно быть в этом причина.

Я неуязвима. Ничто не разрушит этого. Теперь я рок звезда. Мир обволакивал мои мальцы, мой язык.

Я хотела поглотить его.

Оттолкнув его от себя, я потянула его в свой номер. Он остановил нас и засунул карту-ключ в дверь рядом с моей. Затем мы оказались внутри, захлопнувшийся звук объявил о том, что должно произойти.

При виде его кровати я задрожала от страха.

Подождите. Что я делаю?

Его руки отодвинули мои волосы с шеи. И мои переживания ушли вместе с ними.

— Лола, боже... не могу поверь, что ты тут. — Он поцарапал мою скулу своими зубами. Жесткие кончики пальцев спускались по моей спине, задирая подол моей рубашки.

Даже сглотнув, я не смогла ответить. Я попыталась снова, но издала только резкий вздох. Он добрался до моей кожи, исследуя мой позвоночник. Дрезден наткнулся на застежку моего бюстгальтера и, не спрашивая, расстегнул его.

Это произошло так быстро, моя рубашка полетела через мою голову. Черное белье шуршало, когда коснулось пола. По рефлексу я скрестила руки на своей груди. Дрезден развернул меня, глаза жадно блуждали по моей бледной плоти.

Нервозность разрушала мою уверенность. Я потянулась к свету, но его тело перегородило мне путь.

— Нет, — прорычал он, обхватывая мой подбородок. Я замерла под его нуждающимся взглядом. — Я хочу видеть тебя, всю тебя.

Это уже слишком. *Слишком много.* Я думала, что вернусь в номер к мужчине, который просто хотел быть со мной. Я забыла, кто он на самом деле. Дрезден Гэлифакс выпустил своего внутреннего зверя. Я видела его раньше, но закрыв дверь в его номер, я вошла в его логово.

Наедине он мог быть самим собой. Мог расслабиться.

Я ступила в затягивающий водоворот, думая, что это чертово джакузи.

Он жестко целовал меня, оттягивая мою нижнюю губу зубами. Мне показалось, что я падаю от головокружения, пока я на самом деле не упала на кровать. Дрезден опустился со мной. Он набросился, запуская пальцы мне в волосы, натягивая кожу.

Он уничтожит меня. И все же, чем больше он прикасался ко мне, тем меньше, черт побери, меня это волновало. Его тепло накрыло меня, тень упала ему на глаза. Отстранившись, он быстро ухмыльнулся мне, украв этим мое сопротивление.

Ладони спускались, царапая мои ребра. Я извивалась, открыто хныкая, пока он изучал меня. Дрезден обхватывал мои груди. Изначально я была благодарна, боясь позволить ему прикоснуться ко мне там, когда я сходила с ума в менее нежных местах.

Вскоре пульсация в нижней части живота стала огорчающей. Его ухмылка приобрела

значение. Этот ублюдок дразнил меня. Откуда у него была сила, чтобы дразнить меня, когда он вел себя так, словно безумно хотел меня?

Он опустил зеленые заразительные глаза.

— Что-то не так, Лола?

Моя бедная нижняя губа разбухала.

— Почему ты... почему ты медлишь?

Его указательный палец пробежался по середине грудной клетки, прямо между моей грудью.

— Ты хочешь, чтобы я поспешил?

Такой чертовски дерзкий вопрос. Сузив глаза, я попыталась состроить яростное выражение лица. Нежное касание его руки возле моего бедра изменило это.

— Я просто... нет. Хорошо. Делай, что хочешь.

И вот снова проблеск этого злобного существа.

— Конечно, буду.

Мышцы моих ног сжались, пальцы в сапогах вытянулись. Пустота нарастала в моем естестве. Дрезден заставлял меня хотеть вещи, о которых я не могла говорить вслух.

Дюйм за дюймом он поддвигал свои пальцы все ближе к моей груди. Я тяжело дышала, щеки горели огнем, а грудь тряслась от моего прерывистого дыхания. Было невозможно сдерживаться. Он захватил меня в ловушку, усевшись поверх меня и расставив колени с обеих сторон. Я знала, он чувствовал каждое крошечное подергивание моих бедер.

Я приказала своему телу успокоиться. Но не удивилась, когда оно не послушалось. В таком случае, мой мозг хочет быть скомканным как использованная бумага.

Я посмотрела поверх него, свет за его головой делал его очертания острыми как кинжалы. Мышцы вдоль голых плеч указывали на его силу, его полную сдержанность, чтобы быть терпеливым со мной. Я изнывала, желая увидеть больше.

Мои руки поднялись, отталкивая те стороны меня, которые по-прежнему опасались. Дрезден дернулся, когда я ухватила за его рубашку, пытаюсь снять ее через его голову. Я думала он поможет мне, но его руки схватили меня за запястья.

— Нет, — сказал он сурово. — Она останется.

— Это не честно. — Я тоже хочу видеть тебя. Повторная попытка была бессмысленной, он просто раздавливал мои запястья, пока я не заскулила.

Опустив мои руки на матрас, он прижался своим носом к моему. Золотые крапинки в его глазах, которые я обожала, сейчас напоминали мне разбитые стекла.

— Ты хочешь увидеть всего меня? Ты так в этом уверена?

Мой голос был простым карканьем.

— Конечно, я уверена. Думаю, да, думаю...

Рассматривая меня долгую минуту, Дрезден отпустил мои руки. Он выпрямился, затем встал с кровати. Меня парализовало, когда он расстегнул свой ремень.

— Я покажу тебе больше. — Кожа полетела на пол, мое сердце подпрыгнуло. — Если тебе нужно больше меня, тогда я дам тебе это. — Его слова имели острые края. Он не стал снимать свою рубашку, он расстегнул свои джинсы. Звук расстегивающейся молнии отражался в моих атомах.

Несмотря на мое волнение, я уперлась на локти. Я была потрясена его видом, его большие пальцы спускали штаны. Дрезден откинул обувь, джинсы свалились кучей.

Он был одет в узкие, угольно серые трусы. Ткань не оставляла места воображению.

Очертания его члена были очевидными как день, затвердевшая длина оттягивалась у живота.

Когда, наконец, я подняла взгляд, Дрезден стоял ухмыляясь.

— Полагаю, ты все-таки хотела увидеть.

Покраснев сильней, чем когда-либо, я посмотрела на потолок. Сбежать удалось не на долго, он снова забрался на меня. Ожидая, что он что-нибудь скажет, возможно, поцелует меня, я выкрикнула, когда он погрузил свои руки на мою грудь.

Его эрекция врезалась в мое бедро, вызвав дрожь в моей влажной киске. Как, черт возьми, я могла подготовиться к этому? *Никак*. Не думаю, что вообще кто-то мог быть готов в кому-то похожему на Дрездена.

Его рот завладел моим. От головокружительного жара его губ я потеряла счет времени. Пальцы обхватили мои затвердевшие соски, осторожно оттягивая. Каждое оттягивание пробуждало меня сильней, взывая к моему собственному животному.

Опустившись, певец поцеловал мои соски, каждый по отдельности. Затем он облизнул свои пальцы, это зрелище разгорячило мою кровь. Глядя прямо на меня, Дрез подразнил один розовый бутон. Одновременно посасывая другой.

Краски расцвели в моем сознании. Я была слепой, и глухой, и пустой. Вернувшись, я устремилась к нарастающему скользкому шару удовольствия между моих ног. Я хотела — нет, нуждалась, чтобы Дрезден меня трахнул.

Но я не могла произнести это вслух.

Двигая бедрами, я жалобно хныкала. Он усмехнулся, все еще удерживая мою грудь в своем теплом рту. Звук, который он издал, когда отстранился, был неприлично влажным.

— Твое сердце бьется так, словно собирается взорваться.

Разобьется. Оно разобьется. Открыв глаза — не помню, чтобы я их закрывала — я увидела сияние на его лице. Он едва контролировал свою похоть.

— Ты чертовски жесток, — пробормотала я. Потянувшись между нами, я расстегнула молнию на своих штанах. Его удивленное выражение лица было почти таким же хорошим, когда я схватила его за задницу в клубе.

Он отстранился, помогая стянуть мне джинсы и ботинки. Мы оба видели, как промокли мои голубые трусики. Усмешка Дреза была возмутительной. Хотя он не стал дразнить меня, он склонился и, черт его подери, вдохнул мой аромат так глубоко, как только мог. Его щека, жесткая от щетины, царапала мою ногу.

— Черт, — проговорил он у моей влажности. — Ты пахнешь так чертовски хорошо.

Я была унижена и возбуждена одновременно.

— Прекрати, иди сюда. — Он был слишком близко и недостаточно близко к моей самой чувствительной части. Один его взгляд говорил, что он не слушает меня.

Стянув мои трусики, он открыл мои розовые половые губы. Струи моего возбуждения остались на ткани, и мы оба понимали, как сильно я хотела его. Дрезден потянулся вниз, поправляя свои трусы со стоном.

— Я хотел оттянуть это на подольше.

Моя голова металась из стороны в сторону. Говорить было тяжело, каждое его слово обдавало воздухом мою жаждущую киску. Каждый раз, когда она дергалась, я теряла способность владеть языком.

К нашему общему счастью, Дрезден имел полный контроль над своим.

Первое прикосновение заставило меня задохнуться, второе завизжать. Я прикрыла рот, чтобы заглушить все остальное, пытаясь откатиться от него. Его бы это не устроило, не его. Обхватив мои бедра, он раздвинул мои ноги и приковал меня к месту.

Для своего роста я была достаточно сильна и никогда не была застенчивой. Но в тот момент во мне пропала вся твердость духа, говорившая "убирайся" каждый раз, когда он касался языком моего влагища. Он поглощал мои попытки сопротивляться ему каждый раз, начиная с самых первых безумных толчков. Дрезден сжимал меня в объятьях, и я быстро затихала.

Он жадно погружал свой язык между моими ногами. Хотя я и была девственницей, все же у меня было здоровое желание мастурбировать. Но ничего подобного я не испытывала ни разу. Его ловкость и решимость заставляли меня подчиняться.

Нежно поддразнивая мой клитор, он стонал от явной жажды. Мои пальцы спускались вниз, направляя его голову, чувствуя его мягкие волосы. Во мне было электрическое напряжение, и это пугало меня. Я не могла позволить себе кончить, только не так, не на его лицо.

— Дрезден, — выпалила я, потянув его за волосы. — Тебе нужно...ах! Стой, ну давай, поднимайся!

В ответ он прикусил кончик моего клитора. Я испустила дикий крик, выгибаясь на кровати. Волна напряжения была уже на грани, пружина, которая растянулась от моей головы до самой киски. — П... подожди, подожди...

Вокалист Headstones не слушал меня. В тот момент просветления. Не думаю, что у нег когда-нибудь такое было. Он заставил меня показать ему прикушенный язык; утверждал, что залечит мои раны; целовал и трогал меня; а после того, как я отказала ему, погнался за мной...

И вот где я была теперь. Вот он результат его настойчивости.

Я позволила ему пожирать свою киску.

Моя тугая киска сжалась, все сконцентрировалось внизу моего живота, моё тело покалывало. Я жестко кончила, крича и оставляя следы от укусов на своих запястьях. Шум по-прежнему стоял в моих ушах, это еще одно, что оставило на мне след и связало с Дрезденом Гэлифаксом.

Он брал меня всеми возможными способами.

Тяжело дыша, я не заметила, что он переместился, пока его язык не переплелся с моим. Обхватив руками мои щеки, он целовал меня, пока мое сердце не спустилось вниз на землю с облаков. Но на этом он не закончил, его невозможно было остановить.

Стянув вниз трусы, он освободил свой разгоряченный член. Отскочив вверх, он прижался к моему животу. Я мельком взглянула на него — головка была пурпурной от возбуждения. Он так долго себя сдерживал. Если то, что испытала было "контролируемым" Дрезденом, тогда неограниченная версия обещала только гибель.

— Лола, — произнес он, слова давались ему с трудом. Я слышала, как он взял что-то с краю кровати. Из смятых джинс он достал пакетик фольги, презерватив обернулся вокруг его налитого кровью члена.

Наши лбы соприкасались, его рубашка раздражала мои чувствительные соски.

— Боже, Лола. — Затем кончик его члена коснулся моего влажного входа.

Мои легкие, все внутри меня застыло намертво. Это было он, момент, которого я ждала. Фильмы и книги предупреждали меня раз за разом — первый секс будет болезненным. А

еще они уверяли меня, что сначала мужчины задают вопрос. Они должны были посмотреть в твои глаза и удостовериться, что ты готова.

Дрезден прикусил мое плечо, а затем, растягивая, начал входить в меня.

Было такое ощущение наполненности, которое все возрастало, когда он продолжил свое проникновение. Я не знала насколько большим он должен был ощущаться? Что было нормальным? Откуда я могла знать? Мой мозг продолжал предостерегать меня, что он был слишком большим. Он растягивал меня, у меня не было сомнений, что меня разорвет на части.

Он простонал в мой висок. Он сжимал мою талию железной хваткой, удерживая меня неподвижной, в то время как сам продолжал скользить внутрь меня. Это было впервые, и это должно длиться вечно. Я ощущала бесконечность с человеком, который стремительно рвал меня на части.

Тяжело вздохнув, он вошел до самого основания. Мои глаза широко распахнулись, я была в замешательстве. *Где боль?* Разве мне не должно быть больно? Но это был неподходящий момент, чтобы удивляться. Дрезден подался назад, забирая с собой остатки моего здравомыслия.

Самый кончик головки его члена коснулся края моей киски. Совершая нарочито медленный толчок, он погрузился в меня снова. Сохраняя дальше тот же темп: размеренный и спокойный. Каждый толчок бедрами приближал Дрездена ближе к самому краю, я слышала это в его дыхании.

— Боже, какая ты тугая, — выдохнул он. Просто удивительно, что я вообще услышала его. Я погружалась в море тепла и неги. Все, что он делал, было просто поразительно. *Какого черта я боролась с ним?*

Ожидание было настоящей ошибкой.

Я снова и снова упрекала Дрездена за время, но я была лицемеркой. Два дня было потеряно впустую, тогда как я могла просто сразу поцеловать его и начать эту охрененную безумную скачку. Он умолял меня пойти на риск с ним. Я была душой, что так боялась.

Он стал еще больше внутри меня, пульсируя по всей длине. Вбиваясь в меня сильнее, Дрезден удерживал меня так, как будто я делала попытки убежать. Он разве уже не знает? Я в ловушке вместе с ним. Я завязла. Он был всем, что я желала, существом, состоящим из песен, которые пел.

В темноте, ты идешь со мной...

Да. Я шла с ним рядом мысленно многие годы. Мой покой, мое успокоение, голос, который звучал так понимающе. Кто-то, кто казалось охренеть как понимает, что значит страдать и сражаться, и что значит быть одиноким.

Но я не была одинока... не сейчас.

Я пойду с ним в чертову тьму, если он позволит мне.

Наши крики растаяли, сливаясь воедино. Мы синхронно раскачивались, и наши тела вздымались от нарастающей страсти. Я хотела его, я желала его так сильно, и ничего не могло помешать этому.

Я была рок-звездой.

Ничто не могло меня остановить.

Издав сдавленное рычание, Дрезден зарылся лицом в мою шею и кончил. Он сотрясался внутри меня, распаляя меня, пока извергался в презерватив. Часть меня сопротивлялась этому, как если бы его семя принадлежало только мне, а не какой-то резинке.

В тот момент мы оба молчали. Наше дыхание слилось, хриплое и влажное. Он лежал на мне всем своим телом, трепетный стук его сердца отдавался о мои ребра. Какое-то время мы не двигались. Я не знаю, кто сделал первое движение, знаю только, что мы, содрогнувшись вдвоем, разъединили наши тела.

Поднявшись, Дрезден сел на кровать. Он быстро скатал вниз презерватив — опытный знаток.

Я ненавидела это. Даже если я пожинала плоды его опыта, это все равно расстраивало меня. Как бы то ни было, он даже не спросил меня, было ли это впервые для меня. От этого я ощущала двойной дискомфорт.

Я пожирала его взглядом, я наблюдала, как он выбросил презерватив в мусорное ведро. Он был по-прежнему в своей рубашке. Я чувствовала себя немного... ограбленной. *Почему он так и не снял ее?*

— Ты в порядке? — спросил он, беспокойство горело в его изумрудных глазах.

Усевшись, я оглянулась в поисках своей одежды. — Я в порядке, просто... мне кажется, я потрясена. — Его мягкий смех согрел мою шею.

Придвинувшись ближе, он не дал мне одеться. Притянув меня обратно, он подарил мне такой долгий поцелуй, что у меня все поплыло перед глазами. — Лола, ты... чёрт... Ты была потрясающей. — Пружины матраса закрипели, когда он устроился рядом со мной. Я не сопротивлялась, я была рада позволить ему притянуть меня к своему телу.

Но долгий утомительный день брал свое. Я слышала, как Дрезден зевнул, его дыхание вскоре перешло в размеренные сонные вдохи. Я оставалась там, в его руках, пока не поняла, что все не так хорошо.

Должно быть, вспышка ушла прочь.

Аккуратно я высвободилась из его объятий. Босыми ногами я пошла в сторону света... и остановилась. Повернувшись, я смотрела на Дрездена, считая секунды. Мое движение разбудило его? То, как поднимались и опадали его плечи, сказало мне, что нет.

Он свернулся на боку, спиной к тому месту, где я стояла. Мысль, которая крепла внутри меня, заставляла меня дрожать от озноба. *Я не должна была.*

Я уже пробиралась на цыпочках к краю кровати.

Опустившись на корточки, я оказалась на уровне его широкой спины. Под одеждой его мышцы пульсировали даже во сне. Дрожащие пальцы пробирались сквозь воздух к нему. Мне пришлось остановиться и повторить попытку дважды, прежде чем я достаточно успокоилась.

Поднимая край его рубашки, я слышала, как стучит кровь в моей голове. Медленно, я действовала очень медленно. Дрезден так старательно отвлекал внимание, только чтобы не снимать свою рубашку. Я была слишком любопытной, чтобы не воспользоваться шансом и не посмотреть почему.

Мне не пришлось задирать ее слишком высоко, чтобы увидеть причину.

Там, блестящий и застарелый, в нижней части его спины... там я увидела шрам длиной с мою руку. Немедленно опустив рубашку, я прикрыла рот рукой. Что это такое? Это была не маленькая рана. Чтобы ни случилось с Дрезденом, это причинило много боли.

Мои икры скрутило узлом, когда я погасила свет.

Опустившись рядом с ним, я вглядывалась в темноту. Не имело значение, открыты были мои глаза или закрыты. Темнота поглотила меня, извергая свои проклятия этой тишиной, которая растила во мне паранойю как сорняк. Почему он прятал это? Я рассеянно провела

по внутренней части своей руки. Он думает, что не может доверять мне?

Меня обвило острое чувство вины. Я бы спросила. Он мог не отвечать, но это... зная об этом шраме, без его ведома, это намного мучительнее. Что-то или кто-то причинил боль Дрездену Гэлифаксу. Шрамы были моими старыми друзьями. Я не осуждала его за то, что он хотел избежать объяснений.

Установленная связь не успокоила мои переживания.

Свернувшись на своей стороне, я легла щекой на подушку. Его звуки, его запах окружали меня. Он был близок к тому, чтобы завладеть каждой моей частичкой, и все же, я так мало о нем знала.

Станем ли мы завтра другими людьми? Я не могла отделаться от мысли, что меня изменили. Я, которая существовала до нашего с Дрезденом поцелуя, сильно отличалась от версии меня, которой придется жить с тем, что мы только что занимались любовью.

Как он поведет себя завтра? Какой станет моя жизнь теперь?

Для меня было не просто уснуть в эту ночь.

Это было прекрасно.

Мне потребуется каждая йота свободного времени, чтобы обдумать это.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net